

Анна Берсенева
Слабости сильной женщины
Серия «Слабости сильной женщины», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125287
Слабости сильной женщины: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20466-3, 978-5-699-20578-3*

Аннотация

Из-за болезни матери Лера Вологодина бросает учебу в аспирантуре и начинает заниматься бизнесом. Сначала она становится обычным «челноком», но вскоре незаурядность и талант помогают ей добиться успеха в серьезном предпринимательстве. И тут Лера понимает, что главные проблемы «селф-мейд вумен» связаны не с таможей или бандитами. Ее характер меняется, и эти перемены ее не радуют. Да и чему радоваться? Ее оставляет муж, она едва не теряет ребенка, а потом чувствует, что утратила интерес к жизни. Есть ли выход из тупика, в который сама себя загнала эта сильная женщина?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Анна Берсенева Слабости сильной женщины

Дорогой читатель Литрес!
Я стараюсь писать свои
книжки так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

т. Со —————
(Анна Берсенева)

Часть первая

Глава 1

У них походочка, как в море лодочка!..

Целый день вертелась у Леры в голове эта песенка, и целый день, перепрыгивая через бесчисленные лужи, она с любопытством думала: неужели и правда какая-то особенная у нее походка?

Комплимент ей сделал случайный прохожий. Даже и не комплимент, а так просто, сказал на ходу:

– Эх и походочка у вас, девушка, – загляденье!

Вот и прицепилась песенка, которую часто пел Митя Гладышев.

Лера даже в витрины косилась, чтобы рассмотреть свою походку получше, но совершенно напрасно: витрины были грязные и пустые, и поэтому смотреться в них, как в зеркала, было невозможно – просвечивали внутренности магазинов, и все.

День у нее сегодня выдался просто сумасшедший, но это Леру ничуть не угнетало. Она любила сумасшедшие дни в дождливую погоду и с удовольствием летала по всему городу. Ей нравилось, что ходит она быстро – в самом деле, летает, – нравилось лавировать в толпе прохожих, никого не задевая и никому не позволяя тормозить ее стремительное движение. Она не торопилась, но все успевала. Может быть, правда – походка такая?

Сегодня, например, она успела получить обе стипендии, свою и Костину. Даже в каждой из двух очередей почти не стояла, потому что прибежала в числе первых – а те, кто ходят медленно, пусть торчат в очередях. А после стипендий успела еще на одну лекцию, на которой ей, как аспирантке, вообще-то не обязательно было присутствовать, но ей было интересно – и она успела, хотя для этого пришлось ехать с Ленинских гор на Моховую, на журфак.

А потом вернуться на метро «Калужская», в аптеку. С утра было почему-то закрыто, и, поколебавшись пару минут: ждать ли, пока откроют – вроде маячили какие-то фигуры внутри, – или спешить на необязательную лекцию и вернуться потом еще раз, – Лера решила, что лучше вернется.

Эта аптека на Бутлерова оставалась, кажется, последней на всю Москву, где был церебролизин. Мама обзвонила все районные справочные, и всюду отвечали: нету, нету, не знаем когда, и будет ли вообще.

– Как это может быть! – возмущалась Лера. – Если это единственное лекарство, которое помогает, и если оно нужно постоянно – как это может быть, чтобы оно продавалось в единственной аптеке!

– Очень просто. – У мамы, кажется, ничего не могло вызвать возмущения в привычной действительности. – Лерочка, надо еще радоваться, что хоть там есть. А если бы не было нигде?

Мама говорила об этом спокойно, как о том, что завтра ожидается дождливый день, – чему, мол, удивляться, осень же. И Лере даже в голову не пришел вчера вечером простой вопрос: а что будет, когда не будет нигде? Ведь раньше лекарство продавалось в аптеке на Сретенке, а теперь нету...

Зато сегодня, когда она во второй раз вернулась на Бутлерова, – этот простой вопрос тут же поразил ее, заставил остановиться, смирить свой стремительный и легкий бег.

– Церебролизин, пожалуйста, – сказала она, протягивая рецепт в окошечко первого отдела.

– Нету, – ответила провизорша, едва взглянув на Лерину бумажку.

– То есть как – нету? – возмутилась было Лера. – Вчера по телефону сказали, что есть!

– Вчера еще был – теперь кончился, – объяснила аптекарша так спокойно, словно речь шла о поливитаминке, без которой прекрасно можно обойтись.

– И что же делать?

– Девушка, милая, ну откуда я знаю? – пожилая провизорша ответила с таким неожиданным сочувствием, что Лера даже не могла возмущаться дальше. – Я же все понимаю, для чего церебролизин, – но нету! Что я могу сделать?

– А мама что должна делать? – по инерции спросила Лера – впрочем, уже без всякого возмущения.

Она вдруг почувствовала, что устала. Казалось ерундой – проехаться туда-сюда в метро-автобусе, пробежаться немножко под дождем, немножко промокнуть, послушать лекцию, высыхая прямо в аудитории, еще проехаться и пробежаться... И вдруг – устала, и стояла теперь, беспомощно глядя на спокойную аптекаршу.

– Думаете, вы первая меня об этом спрашиваете? Со всего города едут... Другие каналы надо искать, больше что же? На аптеки теперь надеяться нечего.

Лера вышла на улицу все с тем же чувством: устала, непонятно почему – устала, и торопиться совершенно некуда. Где они текут, другие каналы?

Она спустилась по выщербленным ступенькам, остановилась. Дождь кончился, но крупные капли падали со старой липы, разросшейся у входа, и от этого тихого шелеста листьев и капель, и от подступающих осенних сумерек Леру вдруг охватила безнадежность – таким устоявшимся все показалось, таким неотменимым...

У нее всегда было это ощущение во время осенних дождливых сумерек – завершенности и покоя. Но Лера любила его, и никогда оно не связывалось у нее с безнадежностью. И только сегодня все вдруг изменилось.

– Девушка, это вы церебролизин для мамы спрашивали?

Обернувшись, Лера увидела невысокого парня, быстро спускающегося вслед за ней по ступенькам аптеки. На нем была болоньевая коричневая куртка, по которой тут же забарабанили капли.

– А что? – спросила она с надеждой.

– Могу помочь, – ответил парень.

Лера тут же встрепенулась. Нет, все-таки ей везет! Только что казалось, что все потеряно – и вдруг появляется этот неприметный парень с угреватым лицом, и оказывается, что он может помочь!

– Вы знаете, где есть церебролизин? – спросила она.

– Конечно, знаю, – усмехнулся парень. – У меня.

Отлично! Мало ли откуда у человека может оказаться дефицитное лекарство – может, успел купить про запас, а может, тетя двоюродная прислала из Швейцарии.

– Вы продадите? – Лера посмотрела на парня немного заискивающе – не передумал бы!

– Если купите, почему не продать? Иначе бы не спрашивал.

– Сколько? – спросила Лера, доставая кошелек.

«Половина стипендии, – мгновенно мелькнуло у нее в голове, когда парень назвал цену. – Да-а, рачительный молодой человек...»

Возмущение, злость, растерянность мелькнули у нее внутри так же быстро – и даже, наверное, отразились в глазах. Но едва ли ее собеседник мог реагировать на выражение лица, а вслух Лера, не раздумывая, произнесла:

– Сколько у вас?

– На курс инъекций трех упаковок хватит, – деловито ответил парень – видно, он неплохо был осведомлен о том, как следует колоть церебролизин. – Будете брать?

– Буду.

Парень впервые взглянул на нее удивленно: видимо, он привык, что клиенты возмущаются, называют спекулянтом, желают погибели и жалуются на безденежье. А эта девица с пушистой стрижкой – пожалуйста, берет без комментариев.

«Значит, деньги есть», – тут же решил продавец; он не любил обременять себя лишними размышлениями.

Коробочки с ампулами, которые он извлек из туго набитой сумки, были аккуратно упакованы в целлофановый пакет, и край пакета был заплавлен утюгом.

– Герметично, – объяснил он. – В аптеке вам не упакуют, а так – довезете под любым дождем в целостности-сохранности.

– Мерси.

Лера вытащила деньги из кошелька и протянула продавцу. Тот пересчитал их мгновенным, веерным движением и спрятал где-то в недрах куртки.

– На здоровье вашей мамочке, – напутствовал он Леру. – Милости просим, я тут постоянно теперь бываю.

Только в метро Лера поняла, что, собственно, произошло. Правда, она ничуть не жалела, что купила лекарство раз в двадцать дороже, чем оно должно было бы стоить. Где бы они стали его искать, раз уже нет в последней аптеке? Но вот мысль о том, что вскоре оно понадобится снова, а потом – еще раз, и потом опять, – эта мысль заставила Леру покрыться холодным потом, несмотря на то что по дороге до метро она успела продрогнуть.

Можно сэкономить на чем-нибудь, как-нибудь перебиться в этом месяце без половины стипендии – хотя им троим и так хватало только впритык. Можно экономить даже на колготках, если, как ни противно, под джинсы надевать рваные.

Но что делать потом? Церебролизин будет нужен постоянно, и никакой стипендии на это не хватит, и зарплаты не хватит, и пенсии... А сэкономить на этом лекарстве при маминной болезни было невозможно, и будет невозможно, как ни старайся. И в продаже оно не появится, это ясно. А если удастся найти «каналы» – там оно будет приблизительно по той же цене, что и у парня в болоньевой куртке, это тоже ясно.

Вот это и был тупик, и ощущение тупика заставило Леру похолодеть и схватиться за поручень, хотя поезд не тормозил. Каково же тогда должно быть маме, которая не сможет жить без этих инъекций?

В подъезде Лера разорвала заутюженный целлофан и выбросила в бачок для пищевых отходов. В аптеке-то не бывает такой упаковки.

Костя еще не возвращался из Ленинки. Она ведь потому и получала за него стипендию, что у него сегодня был библиотечный день и ему не надо было ни в университет, ни в Институт высшей нервной деятельности на ту самую улицу Бутлерова.

Впрочем, это можно было считать удачным стечением обстоятельств. А вдруг Костя не решился бы отдать столько за лекарство, подумал бы, что надо посоветоваться с Лерой или Надеждой Сергеевной, а потом того спекулянта могло уже и не быть возле аптеки... А что уж тут советовать – и так все ясно.

– Лерочка, обедать будешь или Котю подождешь? – спросила мама, заглянув в ванную, где Лера уже расчесывала мокрые от дождя волосы. – Успела в аптеку?

– Успела, мам. Не буду обедать, подожду.

– Боже, вот везение! – обрадовалась Надежда Сергеевна. – А я ведь, грешным делом, подумала: вдруг кончится лекарство, что тогда? А лекция как?

– Какая лекция? – удивилась Лера, и тут только поняла, что уже успела забыть о ней.

А ведь выбегала сегодня из аудитории с какими-то легкими, еще не сложившимися в стройную систему мыслями, и радовалась, что вечером будет время вспомнить их спокойно, и старалась не забыть хотя бы этот мгновенный, спутанный клубок из слов, образов и предположений...

– О чем сегодня лекция была? – переспросила мама.

– А! О погибших мозаиках храма Юстиниана, Сан-Витале.

– Где это? – сразу заинтересовалась Надежда Сергеевна – она вообще интересовалась всем, что изучала ее Лерочка.

– В Равенне, мама, – улыбнулась Лера. – Далеко!

Глава 2

Лера Вологодина должна была закончить аспирантуру ровно через год, но к писанию диссертации еще и не приступала. Правда, угрызений совести она из-за этого не испытывала никаких. За два года аспирантуры Лера успела прочитать все – ну, почти все, – что ей могло понадобиться для диссертации, а написать – написать она успеет! Год для самого писанья, когда все уже сложилось в голове, – и то много. Ведь у них на истфаке не то, что на биофаке у Кости: кроликов резать не надо, опыты проводить тоже не надо.

– Все свое ношу с собой! – смеялась Лера, когда муж удивлялся, что за два года у нее появилось только множество исписанных карточек. – У вас своя специфика, у нас своя!

А напишет она все месяца за три: привыкла думать быстро и работать быстро, и все равно не стала бы писать в месяц по две страницы на протяжении нескольких лет.

Не зря же, впервые собрав свежее испеченных аспирантов, профессор Ратманов спросил их, усмехаясь в усы:

– Ну, молодые люди, еще не усомнились в избранной специальности? И вообще – в общественной необходимости ваших штудий? И не сомневайтесь, не сомневайтесь, – тут же махнул он рукою. – А если засомневаетесь, утешайте себя тем, что никогда больше у вас не будет в жизни такого восхитительно-беззаботного времени, как золотые аспирантские годы. Уже только из-за этого стоит писать диссертацию, уверяю вас!

И Лера вполне наслаждалась обещанной беззаботностью.

Учиться ей было еще легче, чем в студенческие годы; минимумы она сдала играючи. И что может быть лучше, чем заниматься тем, что тебе интересно: читать книги об итальянском Возрождении, думать, глядя на старинные картины...

И предполагать, что будущая работа окажется чем-то похожим. Во всяком случае, она будет будоражить мысль и не будет угнетать душу – а иначе зачем ею вообще заниматься?

И слушать Костины рассказы про высшую нервную деятельность – радуясь, что и он занят любимым делом. Костя даже больше был влюблен в своих улиток, чем Лера в картины старых венецианцев. Потому что Лера все-таки любила жизнь больше, чем всех итальянцев, вместе взятых, а Костя любил улиток сразу на втором месте после Леры.

А как же иначе?

Она вообще любила все, из чего состояла ее жизнь, и всех, из кого она состояла. Так вот, вперемешку, всех вместе и любила, и действительно не могла бы жить иначе.

Двор свой любила – мрачноватый, на чужой взгляд, но настоящий, старый московский двор; и маму, конечно, с ее трогательным интересом к чему угодно и наивной уверенностью, что все люди в общем-то хорошие; и школу свою на Сретенке, и истфак на Ленгорах, да мало ли что еще!

И мужа Костю. Но его – совсем иначе, совсем отдельно, как счастливого посланника судьбы.

Они поженились еще в начале третьего курса, но Лера до сих пор не могла привыкнуть к своему мужу. Она даже сама удивлялась: ведь все привыкают друг к другу, все друг другу немножко надоедают за какие-нибудь пару лет, а у них – все иначе! Тем более что познакомились они вообще на первой «картошке», значит, еще два года плюс – и все равно...

Костя был первым, кого заметила Лера, подойдя к первому гуманитарному корпусу МГУ, возле которого уже выстроилась вереница автобусов. Сердце у нее замирало в тот день и тут же начинало колотиться с быстрым восторгом: поступила, студентка! Теперь – «картошка», вообще – какая-то неведомая жизнь, что может быть лучше!

И, словно в подтверждение своих чудесных предчувствий, едва подойдя к корпусу, Лера увидела этого чудесного мальчика.

Его невозможно было не заметить, потому что он был похож на Есенина. Не лохматого и нарочито бесшабашного, каким тот выглядел на некоторых фотографиях, а такого, каким получался, снимаясь с Айседорой Дункан, – с одухотворенным лицом и ясным взглядом больших светлых глаз.

Утро казалось золотым из-за того, что солнечный свет проходил сквозь осенние листья. Площадка перед первым гуманитарным напоминала старинную картину в золотистых трещинках: множество людей, освещенных каким-то особенным светом, каждый из них принадлежит себе и одновременно участвует в едином движении.

Это было так красиво, что Лера влюбилась во всех одновременно, во всю эту новую жизнь – и, наверное, поэтому не сразу догадалась, что влюбилась в Костю.

Единство единством, а неразбериха царила порядочная. Например, оказалось, что до сих пор не решено, кто куда поедет. А это было немаловажно, потому что одним предстояло ехать в ближнее Подмосковье, а другим почему-то – в Смоленскую область, откуда домой на выходные не съездишь.

Лере было все равно – она-то и попала в Смоленскую, вместе с половиной своего факультета и половиной биофака. Молодой, спортивного вида куратор поставил птичку напротив ее фамилии, и она взобралась в свой автобус – какой сама выбрала среди отправлявшихся в Смоленскую.

Она тогда вообще была восторженная до самозабвения и компанию поддерживать привыкла с детства, а тут еще эйфория от первого картошечного дня – и Лера, как все, пела песни до хрипоты, и смеялась неизвестно чему, и пила вино из бумажного стаканчика, и перезнакомилась со всеми еще прежде, чем автобус выехал за Кольцевую.

Но даже в эти шумные часы, в тесноте автобуса, она все время видела Костю – краешком глаза, потому что он сидел в углу. Костя улыбался, словно бы смущенно – оттого, что не принимал шумного участия в общем веселье.

«Взгляд у него какой – ласковый! – вдруг поняла Лера. – Ничего невозможно больше сказать о нем, а вот это сразу чувствуется...»

– Ты не любишь петь? – спросила она, в какой-то момент оказавшись рядом с этим ясноглазым мальчиком – все перемещались по автобусному салону, болтали друг с другом, обрывали разговор на полуслове и тут же продолжали его с кем-нибудь другим. – Или тебе невесело?

– Нет, что ты – мне действительно очень весело, – спокойно возразил мальчик, покачивая головой, словно опровергая такое странное предположение о нем. – Просто у меня ни голоса, ни слуха – как же я могу петь?

– Да очень просто! – воскликнула Лера. – Здесь же не оперный театр, все поют, как могут, и веселятся, как хотят. Меня зовут Лера Вологодина.

– Константин Веденеев.

– Ты на истфаке или на биофаке? – спросила Лера, не припоминая этой фамилии в длинном списке однокурсников.

Но она ведь и не запомнила весь список, когда со страхом и надеждой просматривала его, подпрыгивая за спинами других абитуриентов.

– На биофаке.

– Как же ты будешь резать кроликов? – вдруг удивилась Лера.

Это действительно было первое, что пришло ей в голову. Да и что еще можно было подумать, глядя в ласковые Костины глаза?

– Почему обязательно кроликов? – улыбнулся он. – И потом, ведь это будет не сразу, я привыкну.

Лера ожидала, что он спросит что-нибудь и о ней, но Костя не спросил, и она через полминуты забыла об этом. Просто он немногословный, это же понятно. А раз уж они попали на общую «картошку», раз впереди у них по меньшей мере месяц – успеют поговорить обо всем!

Через несколько часов все устали от шума и крика, а некоторых просто разморило от вина – и многие уснули или хотя бы притихли. Лера и не устала, и не опьянела: в их прибрatненном дворе вино пробовали в самом розовом возрасте, и хотя она к прибрatненным не относилась, но и опьянеть от трех глотков сухача тоже, конечно, не могла.

Перешагивая через рюкзаки и сумки, Лера пробралась вперед, к водителю.

– А на Бородино заедем?

– Нет-нет, на обратном пути, – тут же ответил сидевший рядом куратор. – Пока доберемся до места – еще дождя не было бы там, а то дорогу развезет! – пока устроимся... На обратном пути удовлетворим ваше историческое любопытство.

Вообще-то Лера уже была на Бородинском поле, еще в школе возили на экскурсию, но сейчас ей хотелось попасть туда еще раз – с Костей.

И тут она с удивлением поняла: да ведь ей все хочется делать вместе с Костей!..

Деревня Студеново, в которую привезли часам к шести, показалась им совершенно заброшенной.

– Да-а... – протянул однокурсник Игорь. – Прямо иллюстрация к демографическому справочнику о вымирающей России!

Все Студеново состояло из одной недлинной улицы. Конечно, люди жили в этих вросших в землю домах, но очень уж незаметно, наверное, проходила их жизнь, просто еле теплилась. И на этой единственной улице было пусто, хотя даже сумерки еще не сгустились.

Лес подступал почти к самым домам, и казалось, из него может выйти кто угодно, включая Бабу Ягу.

– Страшновато как-то, – поежилась Зиновка Рудницкая. – Там, наверное, и волки есть?

– Есть! – охотно подтвердила Лера, которой совсем не было страшно. – И медведи, и тигры, и пантеры, и...

– Не понимаю, что тебя так веселит, – обиделась Зиновка. – Представь: в этой глухомани придется месяц прожить! А дожди пойдут, а дорогу развезет? Нет, все-таки это несправедливо: почему именно мы сюда, а другие возле самого дома! А мыться где?

– Мыться – в бане, в любой дом пустят, – объяснил симпатичный куратор Петр Васильевич. – И прошу не волноваться: мы сюда ездим уже не первый год, лично я – третий, и никаких ЧП не было ни разу. Люди здесь доброжелательные и относительно спокойные. Молодежи практически нет, но оно и лучше, мы сами себе молодежь.

– А где мы будем жить? – не отставала Зиновка.

– Жить мы будем в школе. Да-да, не удивляйтесь, здесь есть школа, – подтвердил Петр, поймав на себе удивленный Зиновкин взгляд. – Бывшая, конечно. Теперь ее именно и используют как жилье для студентов.

Несмотря на заверения куратора, школа не была особенно приспособлена для жилья. Во всяком случае, никому и в голову не пришло протопить к их приезду – из-за скрипучей двери на них дохнуло затхлой сыростью. Даже Лера поежилась, хотя ее-то все это угнетало меньше, чем остальных.

– Бр-р, да как же тут жить? – фыркнул Игорь. – Чем топить?

– Ребята, не унывайте! – бодро посоветовал куратор Петр. – Неужели никто не умеет спилить сосну? Посмотрите, сколько их здесь!

– Потрясающе – пилить сосну на дрова! – воскликнула Зина. – А поохотиться не надо, чтобы обед добыть?

– Обед нам будут привозить с центральной усадьбы. Собирались мы в спешке, здесь одни первокурсники, поэтому я не был уверен, что среди нас найдутся пристойные повара. И кстати, – добавил Петр Васильевич, – если кого-то не устраивают здешние условия – так ведь можно отправиться с другой группой дальше, в следующую деревню. Мы же не все здесь разместимся.

– Нет уж, хватит, – решительно сказал Игорь. – Можно подумать, за лесом нам откроются достижения цивилизации. Приехали!

Их автобус остался в Студенове полным составом – и Костя тоже. Лера ворчала потихоньку вместе со всеми, растапливая сырыми дровами дымящую печь, и щелями в стенах возмущалась вместе со всеми. Но на самом деле просто не хотелось выделяться – а так-то ей совершенно наплевать было и на дым, и на дырявые стены.

Ведь это была настоящая деревня – такая, как есть, а не такая, какой она представлялась из-за забора пионерского лагеря, куда Лера ездила каждое лето до седьмого класса! И деревня, рядом с которой располагалась дача тети Киры, была совсем не такая, как это Студеново – так, поселок подмосковный, те же дачи. И родственников деревенских у Леры не было. Правда, отец происходил из деревни Большие Коньки Тульской области, но отец с ними давно не жил и даже не встречался, и Большие Коньки были для Леры такой же абстракцией, как Гавайские острова.

Поэтому она и радовалась сейчас всему: и глухоты, и лесу, и тому, что придется рубить на растопку сосны. Она вдруг так легко почувствовала себя здесь! Ничто ее не стесняло, ничего ей не мешало, и целый месяц впереди, который так страшил Зиночку Рудницкую, казался Лере праздником.

На обустройство не дали ни одного свободного дня. Уже на следующее утро куратор Петя поднял студентов чуть свет и собрал на поляне возле школы. Рядом с Петей стоял мрачного вида мужик в дерматиновой куртке.

– Наш бригадир Иван Трофимыч Ершов, – представил его куратор. – Он сформулирует нашу программу и наметит фронт работ.

Программу бригадир Ершов формулировать не стал – видно, она была ему неизвестна, – а фронтом работ оказалось огромное льняное поле в десяти километрах от школы.

– И что, пешком туда будем ходить? – ужаснулась Зиночка.

– Будет грузовик, – коротко объяснил Ершов.

Лера посочувствовала бригадиру. По его мрачному лицу, по тому, как судорожно он сглатывал слюну, то и дело морщась, она сразу поняла, что до беседы со студентами он не успел опохмелиться и теперь мечтает только о том, чтобы беседа кончилась поскорее и без лишних вопросов. Да и о чем было спрашивать?

Грузовик пришел за ними ровно в восемь, сразу после завтрака. Лера даже подивилась такой пунктуальности. Ей казалось, что о деревне этой все забыли, что время здесь стоит на месте...

Они с Костей оказались рядом и в кузове грузовика, и потом, на поле, рядом с длинной льняной дорожкой. Лен был уже выдернут и аккуратно, стебелек к стебельку, расстелен по всему полю; дорожки уходили чуть ли не за горизонт.

– Значит, так, сезонные сельхозработники, – объяснил Петя. – Поле закрепляется за нами полностью, все уборочные циклы – кроме, как вы видите, уборки комбайном, которая уже завершена. Сначала сворачиваем лен и ставим вот в такие стожки-пирамидки. – Объясняя, Петя ловко проделывал все, о чем говорил. – Потом, когда он просохнет, будем снопики вязать и ставить в скирды. Потом – грузить их на машины. Потом их повезут на льнозавод, но это уже, к счастью, не наша забота. Ясна задача?

Задача была ясна, но это вовсе не значило, что с нею легко можно было справиться.

– Ты когда-нибудь ставил стожки-пирамидки? – спросила Лера у Кости.

– Разумеется, нет. Я вообще впервые вижу лен в его, так сказать, натуральном виде. А ты?

– Тоже. Но это ничего, я думаю. Что мы, глупее Пети? Научимся!

Лера действительно научилась очень быстро – да в тот же день и научилась. И после обеда уже работала легко, в самом деле, не хуже Пети. Она сама не понимала, как выходит у нее такое легкое движение – и аккуратный конус уже стоит вместо кусочка серебристой льняной дорожки.

– Как здорово, Лера! – восхищался Костя. – У меня в жизни так не получится.

Конусы у него и в самом деле получались кособокие, они падали от малейшего дуновения ветра, и Косте приходилось возвращаться назад, чтобы попытаться придать им хоть какую-то устойчивость.

Он сразу отстал от Леры и, когда она останавливалась, чтобы дожидаться его, смущенно смотрел на нее и даже пытался оправдываться:

– Видишь, я же говорил...

– Ерунда! – успокаивала его Лера. – Ты же не собирался посвятить свою жизнь установке стожков-пирамидок, правда? Ну и все, не переживай!

– Но ты ведь тоже не по стожкам вступительные сдавала, а у тебя получается. – Костя не хотел быть к себе снисходительным.

– Это ни о чем не говорит, ты понимаешь? Только о том, что у меня это почему-то получилось, и все. Ничего не значит – ни хорошего, ни плохого.

Лера покраснела от теплого сентябрьского ветра, золотисто-каштановые завитки выбивались из-под ярко-алого платка.

Они стояли у самой опушки березовой рощи, и прозрачные осенние паутинки то цеплялись за белые стволы, то липли к Лериным щекам, то путались в Костиных волнистых волосах. Он смотрел на Леру, на закатное солнце у нее за спиной, шурясь от неярких лучей, – и Лера снова почувствовала ласку его взгляда, и сердце у нее замерло...

– Ты устал? – спросила она, чтобы нарушить молчание.

– Немного. А ты нет?

– Да, кажется, и я, – ответила она, чтобы не обидеть его; на самом деле она совсем не устала. – Я сегодня утром слышала, как коровы мычали. Возьмем молока у кого-нибудь?

Так и пошла их жизнь в Студенове: сначала стожки-пирамидки, потом снопики, и все до горизонта. Но все это было так неважно, на все это так не стоило обращать внимания – по сравнению с тем, что Костя вдруг вскидывал на нее свои ласковые глаза и смотрел не отрываясь...

Вечера были шумные. Оказалось, что их истфаковская группа подобралась дружная и веселая, да и биологи не отставали, так что скучать не приходилось.

Может быть, даже слишком они были все вместе. Вспоминая Костин взгляд, Лера хотела, чтобы все поскорее уже насладились первой студенческой дружбой и немножко замедлили ритм общественной жизни. Каждый вечер то КВН, то беспроигрышная лотерея, то «огонек» – и все это вместе, все друг у друга на виду...

Во время танцев у Леры не было отбою от кавалеров, ей просто не удавалось протанцевать с одним и тем же два медленных подряд – ни с кем, и уж тем более с Костей.

Он был такой... Нерешительный, даже робкий, но ее ничуть не сердила его робость, как не сердили его смущенные взгляды из-под светлых ресниц, которые он бросал на Леру, когда кто-нибудь, опередив его, приглашал ее на танец. Как она могла на него сердиться! Разве плохо, если человек не умеет расталкивать всех локтями?

– Лерик, ты чудно танцуешь, – прошептал ей на ухо Игорь Лапин. – Двигаешься просто изумительно, каждое твое движение сводит меня с ума!..

Лера улыбнулась Игорю, и он тут же покрепче сжал ее плечи. Было уже совсем темно, поляна перед школой освещалась только светом из окон, и это создавало атмосферу таинственную и даже интимную. Поэтому объятия Игоря не выглядели чем-то особенным. Все так танцевали, и почти всем девчонкам говорились подобные комплименты – тем более, почти все кавалеры успели выпить понемногу после работы.

Дотанцевав с Игорем, Лера огляделась. Где же Костя? Она видела, что он был здесь и танцевал с Наташкой, но теперь его не было, хотя музыка только что кончилась.

– Наташ, куда Костя девался? – тут же спросила она Костину партнершу.

– Да ну его! – обиженно надула губки Наташка. – Ты меня, Лерунь, извини, но не понимаю я таких кавалеров. Не нравится девушка, не приглашай, правда? А так – посреди танца смываться... Он к речке, кажется, пошел, – пояснила она.

Лера отправилась к речке. Она шла по тропинке через мокрый луг, все убыстряя шаг. Ей казалось, что с Костей что-то случилось, и она торопилась, торопилась – внутренняя тревога подгоняла ее.

Высокая трава хлестала по ее резиновым сапогам, вышедшая из-за облака луна освещала узкую тропинку в траве.

Кости не было у реки – там, где темнело кострище от традиционного студенческого костра, и в сторону от кострища – тоже не было. Сердце у Леры заколотилось, едва не выпрыгивая из груди. Куда же он исчез и что же случилось с ним?

Обратно к деревне она почти бежала.

«Какая же я дура! – мелькало у нее в голове. – Зачем было дразнить его – ведь я же именно дразнила его, кокетничала с Игорем! Разве можно так – с ним, когда у него такие глаза и такой взгляд...»

Вдруг она остановилась на бегу, словно споткнулась: Костин голос доносился с десятка шагов! Затаив дыхание, Лера подошла к углу покосившегося сарая и замерла, прислушиваясь.

Но теперь она услышала голос Игоря Лапина:

– Значит, Котик, ты меня понял. Я вижу, тебе Лерочка нравится. Ну, так это твои подробности. А у меня на нее свои виды, и ты в это дело лучше не лезь. Тем более, я ей тоже вроде нравлюсь, и нечего ей на ерунду всякую отвлекаться.

Костя молчал.

– Ну, чего молчишь? – снова заговорил Игорь. – Молчание – знак согласия, правильно я тебя понимаю? Вот и хорошо, что ты такой сообразительный.

Тут Лера услышала какой-то звук вроде шлепка. И сразу – крик Игоря:

– Да ты что, ошизел?!

Она поняла, что шлепок был пощечиной, которую Костя закатил Игорю. Ситуация была смешная, какая-то даже трогательная – хотя Косте, наверное, так не казалось. Во всяком случае, пора было вмешаться, и Лера вышла из-за сарая.

– Вы, я смотрю, повздорили, мальчики? – сказала она ласковым голосом, не предвещающим ничего хорошего – во всяком случае, для Игоря. – Девушку не поделили, правильно я поняла?

В ярком свете полной луны было видно, как напряженно застыл у самой стены сарая невысокий Костя и каким возмущенным восклицательным знаком маячит перед ним фигура Игоря.

– Может, драться будете, завоевывать в честной мужской схватке?

Соперники растерянно молчали, глядя на Леру.

– А кто это вам сказал, – медленно продолжала она, подходя поближе к Лапину и глядя прямо ему в глаза. – Кто вам сказал, первобытные вы мои, что я достанусь сильнейшему?

Ей было жалко Костю – ведь он наверняка действовал искренне, и наверняка нелегко далась ему пощечина, отвешенная Лапину. Но все это следовало немедленно прекратить. Ей в самом деле противна была эта пародия на борьбу за женщину! Дурачок все-таки Костя – ничего не понимает...

– Вот что, Игорек, – сказала она, – ты мне в самом деле нравишься – только на расстоянии, понял? На о-чень далеком расстоянии, так что туда и отправляйся! Если что – тебя вызовут.

Лера говорила жестко и слова подбирала не самые теплые. Но голос... Голос у нее был как колокольчик, с нежными, полувопросительными интонациями. Это сочетание бластной дворовой непреклонности и чудесного, загадочного обещания кого угодно могло поставить в тупик. И Игорь, вместо того чтобы хотя бы возмутиться, растерянно пробормотал:

– Ну что ты, Лерик, в самом деле... Я же не хотел тебя обидеть...

– Знаю, Лапочка. Ты меня и не обидел, и мы с тобой будем и дальше дружить для взаимной приятности, правда? А сейчас – ты иди, Игорек, иди, а то не выспишься завтра, производительность труда упадет.

И он пошел! Пошел, убыстряя шаги – да, впрочем, Лера и не ожидала ничего другого. Она обернулась к Косте, сделала к нему несколько шагов. Он поднял на нее глаза, и вдруг Лера увидела в них настоящую боль.

– Что же теперь, Лерочка? – тихо спросил он. – Так всю жизнь теперь и будет – ты будешь меня защищать?..

Всю жизнь! Это было главное, это было единственное, что она расслышала, – и все остальное было неважно! Она так и сказала Косте, чувствуя, как комок подступает к горлу:

– Но ведь это все неважно, правда – все это ерунда... Просто так получилось, Костенька, просто сегодня так получилось – и какая разница? С ним же все ясно, с Игорем – зачем тебе на это время и силы тратить? Ты же...

Она задохнулась, не закончив фразы.

«Зачем тебе на него силы тратить, когда у тебя такие глаза? – хотела она сказать. – Когда ты так смотришь на меня, когда ты думаешь о чем-то, мне неведомом и удивительном, когда ты весь такой, каких больше нет!..»

Костя и сейчас смотрел на нее так, и глаза его сияли светло и ясно в лунном свете. Потом он подошел к Лере еще ближе и обнял ее – и объятия у него были такие, какие невозможны были ни с кем другим. Та же нежность, что была в его взгляде, чувствовалась и в прикосновении его рук, лежащих сейчас на Лериной талии.

– Лерочка, – прошептал он. – Лерочка, милая, ведь я влюбился в тебя по уши, ты понимаешь? Мне уже кажется, я тебя знаю тысячу лет...

Он поцеловал ее – прикоснулся к ее губам, не прикрывая глаз. И, отвечая на его поцелуй, Лера все время смотрела в эти глаза – ясные, неповторимые...

Он был ее первым и единственным мужчиной. Вернее, он стал им – но не там, не на «картошке», гораздо позже. А в деревне Студеново они гуляли до рассвета, целовались, сидя у холодной, подернутой утренним туманом реки, Костя гладил ее легкие золотящиеся волосы и шептал:

– Ты такая удивительная, Лерочка, весь мир такой удивительный, когда ты рядом...

Лере было жаль возвращаться домой, она готова была оставаться здесь до бесконечности – в этом сказочном месте ее первой любви. Она запоминала каждую тропинку, травинку, каждое дерево на опушке леса, где они гуляли с Костей.

И все помогало здесь тому, чтобы их любовь была спокойной и счастливой: и безлюдье этой деревни с одинокими стариками и их маленькими серьезными внуками, и удаленность Студенова от всего мира – в дождливую погоду действительно не доехать было сюда...

«Бывают же на свете такие места, – думала Лера. – Созданные для любви, для того, чтобы только смотреть друга на друга, и чтобы ни на что не отвлекался взгляд».

Ей так грустно было возвращаться в Москву, что даже обещанная Петей-куратором остановка на Бородинском поле ничуть не порадовала. А ведь она любила места, в которых воплощалась история, любила их внутреннюю наполненность отзвучавшими голосами и событиями. Но сейчас – сейчас ей нужны были другие места: незаметные, прозрачные, в которых были бы только они с Костей – и больше никого.

«Как-то оно будет в Москве? – думала Лера. – Учиться ведь надо будет, и вообще – осваивать новую жизнь».

Она вдруг так пожалела об этом – что придется отвлекаться на повседневность, что не удастся видеть его рядом постоянно...

Но неожиданно оказалось, что все это вовсе не так безысходно, как ей уж было представлялось.

Во-первых, Лера и не думала, что Костя так влюблен в биологию. Как-то не замечала в деревне, чтобы он с особым интересом относился к былинкам и собачкам – к тому, что именно и казалось ей биологией.

Когда она однажды сказала об этом Косте – это было в буфете на одиннадцатом этаже первого гуманитарного, куда он зашел за ней после занятий, – тот улыбнулся своей покоряюще-застенчивой улыбкой:

– Ну при чем здесь собачки, Лерочка? Зачем мне зверюшек любить, я же не ветеринар. А биология – это процессы. Не знаю, можно ли их любить, но они меня страшно увлекают, особенно все, что связано с высшей нервной деятельностью.

Так Лера впервые услышала от него это словосочетание, которое вскоре стало его специальностью и которое всегда звучало для нее серьезно и значительно.

Среда, в которой выросла Лера, была приспособлена для практической деятельности. В их дворе предпочитали работать руками, а если думать, то с мгновенной и реальной целью.

Лера и сама была такая, и кто знает – если бы не Елена Васильевна Гладышева и Митя, она, может быть, никогда и не увлеклась бы такими необъяснимыми вещами, как произведения итальянского Возрождения, цель которых заключена в них самих.

Во всяком случае, несмотря на умственность ее теперешних занятий, в Лере долго оставалось какое-то почтительное уважение к чужой учености, ко всякой духовной деятельности.

Пожалуй, единственный человек, не вызывавший у нее в этом смысле никакого благоговения, был сам Митя с его скрипкой – как ни странно. Но это, скорее всего, было связано с Митиным характером – легким и насмешливым – и с тем, что Лера знала его сто лет, какое уж тут благоговение!

Глава 3

Костя пришел домой поздно – как обычно в свой библиотечный день. Его всегда выгоняли из четвертого зала Ленинки в числе последних, он настолько погружался в книги, что выудить его можно было, только выключив свет.

– Лерочка! – рассеянно обрадовался он, увидев ее на пороге квартиры: она открыла дверь, потому что мама уже легла. – Ты уже дома?

– А где же мне быть, Котя? – улыбнулась Лера. – Ты знаешь, который час?

– Да, поздно, – сказал Костя, снимая мокрый плащ. – Но ты понимаешь, я просто не мог оторваться. Возможно, сегодня я наконец понял то, чего не мог понять, анализируя последнюю серию опытов, – помнишь, я тебе говорил? Павел Сергеевич был прав: действительно, чтобы осмыслить все в целом, мне надо было оторваться от практических результатов, как это ни парадоксально.

– Ты ведь не обедал? – спросила Лера.

– Нет, почему, перекусил в буфете.

– И что же, интересно, ты ел?

– Ну какая разница! Что-то – что дали. Что дают в буфете в Ленинке, разве ты не знаешь?

– Знаю, потому и спрашиваю. Бурду с булочкой.

– Нет, какой-то салат был...

Лера часто вот так, вдруг, начинала его расспрашивать о чем-нибудь подобном. Ей интересно было, она словно проверяла: остался ли Костя таким же, каким был всегда, или изменился? Он оставался таким же, и ей становилось спокойнее жить на свете.

Особенно сегодня ей было это важно, после угнетающе-тупикового дня – почувствовать, что Костя не изменился, что он по-прежнему не замечает всякой ерунды, происходящей во внешнем мире. Мир от этого сразу приобретал очертания ясные, как Костин взгляд.

Лера и тогда, первой своей студенческой осенью и быстро наступившей зимой, радовалась, встречаясь с ним, как будто каждый раз получала необыкновенный и неожиданный подарок. Хотя, конечно, ей мало было этих встреч.

Пока шли занятия, все было еще ничего. Лере сразу понравилось учиться на истфаке. Просто удивительно, в школе-то она не отличалась особенной прилежностью, даже, может быть, не сдала бы вступительные экзамены, если бы не льготный проходной балл для москвичей. А здесь, в университете, понравилось сразу, и понравилось все! Правда, Лера гораздо больше чувствовала в истории, чем знала, – она и увлеклась-то историей, поддавшись чувству, впечатлению. И теперь ей многое приходилось наверстывать, догоняя тех, кто готовился к будущей специальности с малых лет, стабильно и последовательно – как, например, Игорь Лапин.

Но именно живое чувство оказалось тем главным, что выделяло ее среди остальных. И – ей повезло с преподавателем, профессором Георгием Александровичем Ратмановым.

Он читал у них античную историю – Грецию. Лера не пропустила ни одной лекции и слушала, затаив дыхание, даже не записывала ничего, чтобы не отвлекаться. Ратманов, высокий старик с львиной седой шевелюрой, говорил именно о том, что сама она любила. О том, как протекала жизнь в далекие, ушедшие в небытие годы – и небытие отступало.

Он рассказывал о раскопках и черепках как-то мимоходом – хотя, вместе с тем, подробнейшим образом. Но главное было: ради чего все это делается, как связаны эти древние черепки с человеческой душой, которая, в общем-то, мало изменилась за последние несколько тысячелетий...

И он сразу угадал в Лере единомышленницу, когда она сдавала ему экзамен.

– Неплохо, Валерия Викторовна, очень неплохо разобрались, – проговорил он в свои роскошные усы, выслушав ее ответ. – Значит, мифологию – в жизнь, правильно я вас понял?

– Но она же – из жизни, – сказала Лера. – Разве нет?

– Вероятно, да, – согласился Ратманов. – Что ж, барышня, вы, мне кажется, Грецией заинтересовались?

– Не то чтобы заинтересовалась, – объяснила Лера, – просто вы читали очень хорошо, вот я и подготовилась. А вообще-то я Италией хотела бы заниматься – Возрождением. Я из-за этого и пошла на историю искусств.

– Да что вы! – обрадовался Ратманов. – Надо же, какое совпадение. А я ведь именно живописью Возрождения и занимаюсь, неужели вы не знали? Грецию вам читал просто потому, что коллега заболел. Так что, если вы воспылаете годика через два желанием специализироваться по итальянскому Возрождению – милости прошу в мой семинар. И тогда мы с вами сможем поговорить подробнее.

Лера запомнила его предложение, решив про себя, что обязательно им воспользуется – потом, года через два, очень не скоро... А сейчас она с нетерпением ждала окончания экзамена, чтобы встретиться с Костей.

День был морозный, Лера прикрывала нос рукавичкой, пробегая по широкой аллее университетского городка к биофаку. Костя ждал ее внизу, в вестибюле.

– погоди, я согреюсь немножко, – сказала Лера. – Потом на улицу пойдем. Я на пятерку Ратманову сдала! – похвасталась она.

– Я и не сомневался, – ответил Костя. – Куда пойдем?

Идти обычно было некуда, разве что в кино. За несколько месяцев Лера пересмотрела, кажется, все фильмы, идущие в кинотеатрах Москвы, а некоторые даже по два раза – если не хотелось идти далеко и приходилось довольствоваться ближайшим теплым помещением, не обращая внимания на то, что фильм уже знаком.

Но сегодня день был особенный, и по самой простой причине: мама должна была уйти к своей двоюродной сестре на католическое Рождество. Тетя Кира была замужем за поляком, Рождество всегда отмечалось в их доме, и уже стало традицией приглашать всех родственников именно в этот день.

В детстве Лера тоже ходила к тете Кире и дяде Штефану, но, когда выросла, ей стало скучно подолгу сидеть за столом, вспоминать умершую родню, пить домашнюю наливку. Да еще потом ложиться спать в чужом доме, потому что возвращаться уже поздно.

– Ничего, коханая племянница, – посмеивался дядя Штефан, когда она по телефону извинялась, что опять не может прийти. – Ты молоденькая, тебе сейчас кажется, что счастье все где-то та-ам, а дома одна скука!.. В другой раз придешь, мы тебе всегда рады.

Поэтому тети-Кирино Рождество давно уже проходило для Леры незаметно.

Но в этом году она ждала его с нетерпением.

Лерина мама была такой домоседкой, что даже поход в театр являлся для нее огромным событием, да и здоровье не очень-то позволяло ей ходить далеко. А уж выход к Кире был единственным выходом из дому на два дня.

– Мам, мы с однокурсниками у меня Рождество будем праздновать, – сказала Лера накануне.

– Католическое Рождество? – удивилась Надежда Сергеевна. – Почему?

– Да так, – пожала плечами Лера. – В Европе католическое празднуют, ну и мы тоже.

Лере хотелось, чтобы мама знала: в этот вечер она будет дома не одна, лучше не торопиться с возвращением. Надежда Сергеевна была тактична до невозможности, можно было не сомневаться: прежде чем вернуться домой, она раз пять предупредит об этом по телефону.

– Костя, – сказала Лера, когда они вышли наконец из вестибюля биофака на улицу. – По-моему, сегодня такой дикий холод, что мы просто замерзнем, как перелетные птицы.

– Перелетные птицы не замерзают, – объяснил Костя. – Они ведь на юг улетают.

– Я бы тоже не против – на юг. Но за неимением крыльев я хочу тебя пригласить поближе – к себе домой, – сказала Лера.

Она тут же заметила, что Костя смутился, опустил глаза.

– Но... Я не знаю, Лерочка, разве это удобно? Ты хочешь, чтобы я познакомился с твоей мамой?

– А ты не хочешь?

– Нет, почему же...

– Моя мама – кристальный человек, – объяснила Лера. – Ее стесняться незачем даже такому юноше, как ты. Но сегодня ее все равно не будет, она к сестре поехала.

Костя приехал в Москву из Калуги и жил в общежитии – здесь же, в университетском корпусе на Ленгорах. Лера долго не могла привыкнуть, что в этой монументальной сталинской высотке можно жить: как-то не сочеталась ее торжественная внешность с кроватями и кастрюльками.

Лера была у Кости в комнате только однажды, да и то минут пятнадцать: зашли за чем-то по дороге с занятий. Хотя Леру трудно было напугать вахтершами, но их подозрительные взгляды все-таки были ей неприятны. Да и комната на четверых, все время кто-нибудь что-нибудь учит, или ест, или спит, или пьяный.

«Разве это дом? – подумала она тогда. – То есть, может, кому-то и ничего, даже и мне, пожалуй, было бы ничего, но вот Косте...»

Приглашая Костю домой, да еще сообщая, что они будут одни, Лера ни на секунду даже не подумала о том, как это может выглядеть в его глазах, что он может о ней подумать, услышав такое откровенное предложение. Она действительно просто радовалась тому, что не придется сегодня бродить по холодным улицам, смотреть опротивевшие фильмы.

Они совсем разные были с Костей, но оба довольно наивные, без задних мыслей. Хотя вообще-то Лере так нравилось целоваться на каждом перекрестке, что уже хотелось наконец, чтобы никто не мельтешил при этом вокруг.

Косте понравился их двор. Да Лера и показывала его с гордостью, как главную достопримечательность Москвы; для нее так оно и было.

– Мы гуляли по Неглинной, – напомнила она. – Заходили на бульвар, нам купили синий-синий, презеленый красный шар. Вот я и живу на Неглинной, нравится?

– Нравится, – согласился Костя. – Здесь, по-моему, настоящая Москва, старинная.

– Ну, не такая уж и старинная, – возразила Лера. – Все давно перемешалось – и люди, и годы. У нас тут на некрополь не очень похоже, очень живой подобрался народ. Даже слишком – один «Узбекистан» чего стоит.

Ресторан «Узбекистан», отделенный от Лериного дома полоской бульвара, был тем еще местечком. Здесь собирались люди «с уголовным прошлым», как говорила Лерина мама.

«И с настоящим», – добавляла Лера – не вслух, чтобы не нервировать Надежду Сергеевну.

Если бы не негласный закон – местных не трогать, – который действовал на этой территории, здесь и ходить было бы небезопасно по вечерам, мимо мрачноватых личностей, в любую погоду тусующихся возле «Узбекистана».

Но благодаря этому закону, да еще неизменной солидарности, царившей в их дворе, Лера с детства привыкла никого не бояться – и на всю жизнь была благодарна и двору своему, и соседям.

У них никто ничего не боялся, сколько раз она в этом убеждалась. И хотя до сих пор Лерина жизнь не требовала от нее какого-то особенного бесстрашия – все равно она всегда словно поддержку чувствовала, словно похлопывание по плечу: не трусь, мы с тобой!

Ей так много всего надо было рассказать Косте! Но как можно рассказать обо всем? О том, как прошло ее детство – здесь, на этих улицах – разве об этом можно рассказать по-настоящему?

Как они однажды пошли с мамой в Сандуны – Лере было тогда десять лет – и мама показала ей великую балерину Семенову. Та делала маникюр у миниатюрной интеллигентной старушки Киры Сергеевны, дворянки, которую судьба сделала маникюршей в Сандунах. И мама рассказывала потом Лере, что Семенова всегда накладывает только один слой лака: говорит, иначе ей тяжело будет танцевать...

Невозможно было рассказать обо всем этом – обо всей своей жизни, в которой то и дело, посреди обыденных дней, возникало что-нибудь такое, совершенно необычное, как тяжесть прозрачного лака на пальцах балерины.

А так хотелось, чтобы Костя знал теперь обо всем...

Они прошли через арку, повернули налево, к подъезду.

– Здесь Сандуны рядом, – рассказывала Лера по дороге. – И вообще все рядом – Кузнецкий, Сретенка. Моя школа на Сретенке, я тебе рассказывала?

– Нет еще, кажется...

Костя казался каким-то смущенным, притихшим. Правда, он никогда и не был шумным или говорливым, но сейчас, пересекая рядом с Лерой ее двор, и вовсе стушевался. Даже оглядывался как-то испуганно, словно боялся встретить кого-нибудь.

Как назло, им и встретился Митя Гладышев. Хотя Лера-то, конечно, никого не опасалась встретить, но тоже почему-то смутилась – наверное, из-за Костиного смущения.

Митя шел через двор, думая о чем-то своем, не глядя вокруг и засунув руки в карманы пальто. Он был, как обычно, без шапки, и снежинки белели на его темных волосах.

– Лера! – обрадовался Митя, едва не столкнувшись с нею посреди двора. – Сто лет тебя не видел, Лерка! Вот не думал, что ты будешь так вдохновенно учиться.

Тут он заметил и Костю.

– А это кто? – тут же поинтересовался Митя, с необычной для него, но обычной для их двора бесцеремонностью.

Впрочем, Лера на такую бесцеремонность никогда не обижалась. Митя, по ее понятиям, даже больше, чем любой другой, имел право поинтересоваться, кто это оказался рядом с Лерой в их общем пространстве – в их дворе.

– Это Костя Веденеев, учится на биофаке. Он мой друг, Мить, – добавила она.

– Очень рад, – сказал Митя. Сказал довольно рассеянно, но при этом окинул Костю быстрым, оценивающим взглядом. – Дмитрий Гладышев, будем знакомы.

Лера улыбнулась, заметив этот взгляд. В нем все соединялось: и то, что Митя слышал сейчас не только их голоса, но и какие-то другие звуки – он их всегда слышал, сам ей говорил однажды; и то, что он привык в любом состоянии мгновенно оценивать даже случайного встречного, а уж тем более парня, которого привела в их двор подруга детства-отрочества Лера Вологодина.

– Ладно, Лер, не пропадай, – простился Митя, коротко прикоснувшись к рукаву ее пальто. – Чему уж такому у вас там учат, что тебя не видать, не слышать?

И, не дожидаясь ее ответа, он пошел дальше, закуривая на ходу, – и скрылся в гулкой арке.

– Костя, ты не смущайся, пожалуйста, – говорила Лера, когда они поднимались на третий этаж по темной холодной лестнице. – У нас здесь правда все просто, и люди простые –

не в смысле что примитивные, а негордые, и друг к другу хорошо относятся. И к тебе будут хорошо относиться, – добавила она, открывая дверь.

Квартира у них была такая же, как и все квартиры в доме: с высокими потолками и окнами, с лепными розетками вокруг люстр. Из-за этих высоких потолков и окон не слишком большие комнаты все равно казались просторными.

В детстве Лера любила с ногами забираться на широкий подоконник. Особенно когда болела и долго нельзя было выходить на улицу. Весь двор был виден с третьего этажа, и не только видно было, кто куда пошел, но и придумывать можно было какую-то сказочную жизнь, которой видно не было. Их с виду самый обыкновенный двор позволял придумывать о себе что угодно.

И Лера придумывала – фантазии у нее хватило бы на десяток дворов! Все подвалы были у нее населены подземными человечками, а чердаки и крыши – привидениями, или феями, или тенями исчезнувших дворян.

Дворян Лера выдумала, когда ей было лет пять. Мама, которой она рассказывала обо всех своих фантазиях, спросила, улыбнувшись:

– А кто такие дворяне, ты знаешь, Лерочка?

– Знаю, – убежденно ответила Лера. – Это которые жили в нашем дворе. Да?

– Почти, – согласилась мама. – И в нашем дворе тоже.

И вот теперь, впервые входя с Костей в свою квартиру, Лера поняла, что хочет ему рассказать обо всем этом немедленно. Чтобы и для него дышали памятью эти стены, чтобы и он знал о дворянах и привидениях, и о ней, Лере, – все знал о ней, всю ее знал!

Еще утром, перед экзаменом, заглядывая одним глазом в учебник по Греции, Лера приготовила пару салатов, нашпиговала чесноком кусок розовой свинины, купленный вчера на Центральном рынке.

– Костя, ты ко мне в комнату проходи! – крикнула она, сразу пробегая на кухню, чтобы включить духовку. – Она направо, а мамина – налево.

Ей было так спокойно и хорошо в своем тихом доме. После мороза она сразу согрелась, покраснелась, глаза у нее заблестели.

– Хочешь фотографии пока посмотреть? – предложила она Косте. – Или марки – я в детстве собирала, а потом надоело, но коллекция осталась хорошая. Или книги, или что хочешь!

Костя молчал, оглядываясь – казалось, он не хотел посмотреть ни марки, ни книги. Но Лера-то чувствовала его смущение, скованность в непривычной обстановке и ничуть не обижалась на него.

– У тебя здесь очень хорошо, – сказал он наконец – так искренне, как только он умел говорить. – Спасибо, что пригласила.

– На здоровье! – засмеялась Лера. – Приходите к нам еще.

Мясо было нежное, парное и приготовилось очень быстро. Уже через полчаса по всему дому пошел такой аромат, от которого текли слюнки. Пока запекалось мясо, Лера накрывала на стол, а Костя смотрел на нее, не отводя глаз, сидя в глубоком кресле-качалке.

– Ты знаешь, ведь сегодня Рождество, – говорила Лера, с хрустом разворачивая белую, вышитую крестиком скатерть.

У них все белье было крахмальное и отутюженное, маме никогда не лень было этим заниматься, не то что Лере. И вышивать крестиком маме было не лень, и печь воздушные пироги – вот и сейчас один ждал своего часа на шкафу, прикрытый салфеткой.

– У нас дома тоже Рождество празднуют, – сказал Костя. – Только не это, а православное, седьмого января.

Лера тут же рассказала про тетю Киру и дядю Штефана, а заодно про тетину старенькую дачу в Малаховке, куда она ездила летом, а заодно про елочные игрушки, которые остались у них еще с дореволюционных времен.

Потом она водрузила на стол истекающее соком мясо и пригласила Костю:

– Прощу, волшебный гость!

Вино «Киндзмараули» она тоже купила заранее – в винном на Трубной площади, где ради одной бутылки для любимого мужики пропустили ее без очереди.

Костя налил вино в круглые бокалы на тонких ножках и сказал:

– Я хочу выпить за тебя, Лерочка. За то, что ты необыкновенная!

Лера выпила полбокала, ей было так хорошо за своим столом, рядом с Костей, она готова была сидеть так до бесконечности в приглушенном свете двух бра в виде золотых рыбок.

И вдруг, совершенно непонятно почему, она почувствовала смущение. Как будто калейдоскоп повернули, и сразу сложились в другой узор разноцветные стеклышки.

Она словно со стороны взглянула на них с Костей – молодых, любящих друг друга и до сих пор немного друг друга стесняющихся, и вот сейчас сидящих в тишине пустой квартиры...

Можно было сколько угодно играть в полудетский праздник и возиться с салатами и пирогами, но ведь Костя был мужчиной, и он любил ее, и он смотрел на нее сейчас так... Смотрел так, как смотрит влюбленный мужчина на любимую женщину, которая сидит совсем рядом и которую ему каждую минуту хочется обнимать, целовать, прижимать к себе до потемнения в глазах.

Ранние декабрьские сумерки уже сгущались за окном, в комнату вливалась вечерняя синева, смешиваясь с неярким светом ламп. В Лериных светло-карих, янтарных глазах дрожали золотые точки и манили Костю, притягивали, как волшебные омуты...

Он поднялся, поставил бокал на стол. Руки у него слегка дрожали, немного красного вина пролилось на скатерть. Он подошел к Лере, сидящей в кресле у стола, остановился рядом с нею. Потом осторожно, точно впервые, прикоснулся к ее плечам – и снова замер.

Лера подняла на него глаза, прижалась щекой к его животу. Она чувствовала, как дрожит все его тело, она сама задрожала от никогда ей прежде не ведомого волнения, восторга; дыхание у нее занялось, и в глазах потемнело. Весь мир растворился в дрожи Костиных рук, и Лера тоже поднялась со своего кресла, встречая его поцелуй.

– Как будто первый раз тебя целую, – прошептал он – как всегда, не закрывая глаз.

И тут же рука его скользнула по ее груди, нащупывая пуговицы светлой праздничной блузки, и дыхание стало таким частым, как никогда прежде, и, не справившись с пуговками, руки его сжали ее грудь под тонкой тканью.

Если бы и саму Леру не захлестнуло той же неодолимой волной, она, может быть, почувствовала бы, что Костя не владеет собою, что весь он отдается сейчас единственному порыву – к ней, к ней, к ее трепещущему телу, к ее полуоткрытым губам. Он так и не закрыл глаз, словно не хотел пропустить ни единого мгновения, когда мог видеть Леру.

Она сама расстегнула пуговицы, пока Костя тоже раздевался, путаясь в собственной одежде, торопясь и шепча:

– Сейчас, Лерочка, милая, сейчас...

Неизвестно, кто из них был неопытнее – первые мужчина и женщина друг для друга... Но их так тянуло друг к другу, что этим сглаживалась неопытность, эта тяга подсказывала им, что делать в каждую следующую минуту.

Лера почувствовала на себе Костино тело, почувствовала, как пытается он войти в нее порывистыми толчками – там, внизу, где и она ждала его, раздвигая ноги навстречу.

Она еще не знала, какое оно на самом деле – желание, она и не ощущала его по-настоящему. Только любовь и нежность, только головокружение от каждого Костиного прикосновения. Она рада была бы ему помочь, чувствуя, как он волнуется, как стремится в нее, – но не знала, как это сделать, она и сама не знала...

Но, наверное, интуиции у нее было побольше, чем у Кости, и когда он, задыхаясь от отчаяния, уткнулся лбом ей в плечо – Лера осторожно опустила руку вниз, лодочкой приложила к его напряженной плоти, почувствовала, как волосы щекочут ей ладонь, и прошептала:

– Костя, милый мой, не волнуйся, все хорошо...

И он поверил ей – замер на миг, успокоился, потом снова приподнялся над нею, ища губами ее губы и так же страстно ища этот заветный вход в ее тело.

Лера не знала, еще не чувствовала, хорошо ли ей с ним. Но она любила его, это она чувствовала ясно, и это было главным. Остальное – было больно, быстро, она вообще не успела понять, что же это было – остальное...

Костя задержался, лицо его перекосилось, он вскрикнул:

– А-ах, Лерочка... – и дальше что-то невнятное, стонущее, счастливое.

Потом он затих, время от времени еще вздрагивая и по-прежнему не закрывая глаз. Потом снова припал к Лериному плечу, целуя его и шепча какие-то слова – то ли любви, то ли извинения.

Лера не могла понять, какие чувства наплывают в ней друг на друга. Она и предположить не могла, что их будет так много – чувств. Ведь она просто любила Костю, и отчего же такое смятение?.. Но ей хотелось плакать, и чтобы он утешал ее – хотя почему бы ее надо было утешать, ведь она была счастлива, и при чем здесь слезы?

Но Костя и не утешал ее. Он целовал ее, гладил обеими руками ее волосы, щеки, плечи. И Лера сама тут же забыла о своем странном желании плакать – она снова любила его всепоглощающе, безраздельно, и снова это было единственным чувством, и к нему не примешивалось никакое другое.

Как только оба они немного отошли от так неожиданно подхватившего их порыва, как только легли рядом на диван, – снова повернулись стеклышки в калейдоскопе. То есть, наверное, для Кости повернулись. Лера не заметила на этот раз никакого поворота: она по-прежнему смотрела на него и по-прежнему была с ним счастлива.

А Костя вдруг застыдился своей наготы, набросил рубашку себе на ноги и на живот и тут же покраснел: на рубашке стали проступать розовые пятна. Все это почему-то казалось ему неловким, стыдным, и собственное тело тоже, наверное, стесняло его, хотя ему нечего было стыдиться: Костя не выглядел атлетом, но был пропорционально сложен, кожа у него была чистая и мягкая, и руки мягкие – такие же ласковые, как его взгляд.

И что могло быть стыдного между ними, если в каждом движении была любовь?

Лере странно было, что Костя этого не понимает. Сама-то она не стеснялась его ничуть, она так естественно чувствовала себя с ним, что вообще забыла о стеснении. Она легко встала, сделала несколько шагов к столу, взяла два бокала с недопитым вином и снова вернулась на диван, села рядом с Костей.

– Я тебя люблю, – прошептала она, прикасаясь к Костиным губам. – И теперь я хочу выпить за тебя, такого...

Лера задохнулась от подступивших к самому горлу слов, чувств, для которых не было слов. Она очень красивая была сейчас – с этим янтарным, любовным сиянием глаз, уголки которых были чуть приподняты к вискам. И тело ее светилось любовью, и ничто не мешало этому свету.

Наверное, мужчина поопытнее мог бы по-настоящему оценить всю дразнящую прелесть Лериного облика. Но Костя был неопытен, и он действительно стеснялся, отводил

глаза от ее светящегося тела. Но ведь ей и не нужен был опытный, ей вообще не нужен был какой-то абстрактный мужчина – ей нужен был Костя, такой как есть!

Когда за окном совсем стемнело, Костя сказал вопросительно:

– Мне ведь пора идти, Лерочка?

– А мама сегодня у тети Киры будет ночевать, – ответила Лера. – Оставайся, Костя?

– Нет, – отказался он. – Ты извини, но я как-то... не могу. Ведь я незнаком с твоей мамой, я не могу ночевать в ее доме в ее отсутствие, как будто тайком.

– Ну что, Котенька, что ты? – расстроилась Лера. – Я ведь не хотела тебя обидеть! Хочешь, завтра и познакомишься, когда она придет?

– Нет, только не завтра! Она ведь сразу все поймет, я не смогу притворяться...

– Да кто тебе сказал, что надо притворяться? – удивилась Лера. – Думаешь, я стану что-то от нее скрывать теперь? Она чудесная, вот ты увидишь. Хорошо, хорошо, – поспешно добавила она, – не хочешь завтра – потом познакомишься, послезавтра. Мне просто так жаль, что ты уходишь...

– Ничего, я ведь буду думать о тебе, – прошептал Костя, целуя ее.

Лере дороги были его слова, но как мало было ей этого сейчас – думать... Ей хотелось видеть его перед собою, ощущать его прикосновения, ловить на себе его ясный взгляд. Но что ж, если он хочет, пусть уходит сегодня. Ведь и правда, они не расстанутся теперь, в этом Лера была уверена.

Ее уверенность не складывалась в какие-то стройные планы. Она, например, даже не думала о замужестве, ей оно казалось таким само собою разумеющимся, как будто уже произошло.

– Я тебя провожу немного, до метро, – сказала Лера, протягивая руку за юбкой.

– Ну, это уже слишком будет. – Костя даже остановился с поднятой ногой и брюками в руках. – Как это – ты меня проводишь?

Лера поняла, что невольно обидела его, и поспешила объяснить:

– Нет-нет, ты не думай!.. Почему же слишком? У нас ведь здесь местечко, знаешь, такое... специфическое. Бандитское вообще-то местечко, хоть и старинная, как ты сказал, Москва. Всякое может быть. А меня здесь все знают, и со мной здесь ничего быть не может, потому я и сказала. Это только пока, Костенька, только пока, а потом и тебя будут знать, ты не думай!

И, несмотря на его уверения, что он отлично дойдет до метро сам, Лера все-таки прошла с ним до самой Пушкинской площади.

Потом она вернулась домой и, присев на краешек стула, поставив локти на стол между пирогом и вином, подумала: «Господи, ну зачем же он ушел?» – и чуть не заплакала.

Глава 4

Тогда Лере казалось, что они уже и поженились с Костей. Но на самом деле это произошло почти через два года, как ни странно.

С Надеждой Сергеевной он познакомился через неделю. Принес цветы, торт в круглой коробке и просидел целый вечер, разговаривая с Лериной мамой – немного о своей биологии, немного о Калуге и немного о Москве.

Маму он совершенно очаровал, да Лера в этом и не сомневалась.

– Очень хороший мальчик Костя, – сказала Надежда Сергеевна, когда он ушел. – Такой воспитанный, милый. Он тебе нравится, Лерочка? – осторожно спросила она.

– Я его люблю, – ответила Лера, и мама замолчала.

А в общем-то – что тут можно было сказать? Ведь это очень хорошо, что ее Лерочка полюбила именно этого мальчика – умного, порядочного и доброго. От Кости веяло постоянством, Надежда Сергеевна сразу это почувствовала – и обрадовалась.

Она вообще боялась непостоянства, а особенно когда думала о Лере: дочка была слишком похожа на своего отца – по крайней мере, внешне; от мамы почти ничего не было в ее летящем, как рисунок пером, облике.

Хотя, к счастью, Надежда Сергеевна пока совсем не чувствовала в ней отцовского упорства, его непреклонной воли в странном сочетании с мимолетностью, – а все-таки лучше, чтобы жизнь и дальше не испытывала Лерочку...

Поэтому Надежда Сергеевна обрадовалась, увидев ясноглазого, спокойного Костю и услышав, что его любит ее восемнадцатилетняя дочь.

– Лерушка, – сказал Костя, вскоре после того, как начал бывать в их доме постоянно. – Я хотел спросить тебя...

– Почему же не спросишь? – улыбнулась Лера.

– Да, правда. Я хотел сказать тебе... Ты согласилась бы выйти за меня замуж?

– Конечно! – удивилась Лера: она только сейчас поняла, что они ведь еще и не говорили об этом. – А ты думал, нет?

– Я сомневался. Ты такая... непредсказуемая, необыкновенная. Тебе не скучно со мной?

– Ну что ты, Костенька! – расстроилась Лера. – О чем ты думаешь, вот ерунда какая!..

– Тогда... – Лицо у Кости снова просветлело. – Тогда я только хотел попросить тебя: может быть, мы поженимся не сейчас, то есть не прямо сейчас?

– Да, наверное. – Лера снова едва сдержала улыбку. – Сейчас мы с тобой сидим в буфете и едим сосиски.

– Нет, я вообще... Что ты скажешь, если мы подождем года два?

– Да ничего не скажу, – пожала плечами Лера. – Как хочешь, Котя.

Она говорила вполне искренне. Ей действительно было неважно, когда состоится свадьба, она уже сейчас считала себя Костиной женой, и штамп в паспорте был здесь совсем ни при чем. Она даже не спросила Костю, почему надо ждать именно два года. Он сам объяснил:

– Видишь ли... Может быть, это покажется тебе странным или даже смешным, но мне хотелось бы хоть немного определиться, прежде чем жениться.

– Что ты называешь – определиться? – заинтересовалась Лера. – Ты собираешься через два года закончить университет?

– Нет, но через два года я надеюсь достичь кое-каких результатов и, соответственно, обрести перспективу. Видишь ли, я ведь начал работать с Павлом Сергеевичем Жихаревым

из Института высшей нервной деятельности. Он начинает интереснейшие исследования, связанные с улитками...

Услышав про улиток, Лера невольно улыбнулась.

– Да-да, очень серьезные исследования, Лерочка, не смейся! – горячо подтвердил Костя. – И он приглашает меня работать с ним – уже сейчас, а ведь я только на первом курсе! Ты понимаешь, какие это перспективы? Но это – время, силы, это значит, я должен буду полностью отдаться работе и учебе, правда?

– Правда, – согласилась Лера, которой неловко стало из-за того, что ее рассмешили улитки.

Костя такой целеустремленный и талантливый, это ясно, раз ему уже сейчас предлагают серьезную работу.

«Что ж, – вздохнула про себя Лера. – Хотя и непонятно, почему изучать улиток можно только холостяку, но если он так считает...»

– Как хочешь, Котя, – повторила она. – Да и вообще, какая разница, когда мы распишемся?

– Конечно! – согласился Костя. – Но ты правда не обиделась на меня, Лерушка?

– Правда, правда, – заверила Лера. – Улитки так улитки.

Может быть, из-за этих улиток, как ни странно, она и не могла привыкнуть к Косте. Во всем остальном он был словно создан для того чтобы к нему привыкнуть, как к восходу солнца. Но его увлеченность чем-то неизвестным, немного смешным и трогательным – именно такими представлялись Лере улитки – накладывала особый отпечаток на его характер, манеру говорить, смотреть, слушать. К этому невозможно было привыкнуть, в этом он был не такой, как все, – и Лера даже благодарна была склизким существам, которые так увлекали его.

А то, что ей довольно много времени приходилось проводить без Кости, неожиданно оказалось благотворным для нее самой. Не дожидаясь, пока лекции по итальянскому Возрождению начнутся по программе, Лера сама пришла в семинар профессора Ратманова. Тот обрадовался, увидев ее:

– Что, Валерия Викторовна, одолело вас нетерпенье? Уважаю ваш порыв и надеюсь, он не пропадет впустую.

Так Лера начала всерьез заниматься итальянцами, и тема выбралась сама собою: Тинторетто и Венецианское государство. Она и итальянский успела изучить за какой-нибудь год – в добавление к своему французскому, отличному после школы с уклоном, и сносному университетскому английскому.

А поженились они ровно через два года, как и сказал Костя, – в начале третьего курса.

Костины родители, наконец приехавшие из Калуги познакомиться с новой родней, оказались простыми и очень приятными людьми – хотя совсем другими, чем представляла их себе Лера.

Даже удивительно, как у такого яркого, громогласного и шумного человека, как прораб Иван Егорыч Веденеев, мог быть такой тихий и мягкий мальчик, как Костя.

– Эх, сватья! – гремел Иван Егорыч, выпив немного водки за знакомство. – Вот увидел я ваш дом, и рад за Котьку, ей-богу рад! Он же у нас такой парень – мухи не обидит, а его всякий обидеть может. Боялись мы с матерью за него, что и говорить – Москва же, да еще общежитие это, какие там нравы, известно. А тут у вас как у Христа за пазухой, как нам не радоваться!

Костя краснел, пытался остановить отца:

– Перестань, папа, ну при чем здесь общежитие! Что Надежда Сергеевна подумает...

– А чего ей думать? – удивлялся Иван Егорыч. – Ты ж не из-за квартиры, разве непонятно? Ты ж из-за Лерочки, красавицы такой!

И он тут же оборачивался к невестке, которая явно вызывала у него не меньшее восхищение, чем сватья и спокойный, уютный дом.

Но, несмотря на разницу темпераментов, взгляд у Ивана Егорыча был такой же бесхитростный и ясный, как у сына. И мама у Кости была тихая, неговорливая. Сидела, пригубливая водку, то и дело поправляя тщательно уложенные в парикмахерской волосы, и кивала, соглашаясь со всем, что говорили муж, и сватья, и невестка.

Свадьбу праздновали дома: не хотелось общепита, заказного веселья. Да и где же было праздновать Леркину свадьбу, как не в любимом, неповторимом дворе, к которому прикипела ее душа!

– Споешь, Митя? – спросила Лера, сообщая Мите Гладышеву день своей свадьбы. – Споешь на свадьбе у меня?

Она любила, когда Митя пел, да и все у них это любили. Он никогда специально не занимался вокалом, но у него был волшебный голос – за каждым словом, за каждым гитарным аккордом чувствовалось гораздо больше, чем только звучало...

– Спою, – ответил Митя. – Спою на твоей свадьбе, боевая подруга, буду петь, пока не охрипну!

И он пел, и играл на гитаре – сначала у Леры дома, а потом, уже в темноте, на осеннем бульваре посредине Неглинной, сидя на спинке скамейки и то и дело прихлебывая портвейн из стоящей на асфальте бутылки.

Пел все, что просила Лера: про соловья на углу, на Греческой, про пароход белый-беленький, дым над красной трубой, про то, как до полуночи мы украдкой утешались речью сладкою...

И, конечно, ее любимую – про Кейптаунский порт. Лера и сама не понимала, почему так будоражат ее сердце незамысловатые слова про «Жанетту» с какао на борту и алую морскую кровь. Но когда Митя пел:

И больше не войдут в таверенный уют
Четырнадцать французских моряков...
Лежат убитые, в песок зарытые,
Крестами кортики в груди торчат... —

когда он пел, ей всегда хотелось и плакать, и смеяться одновременно. Или просто он так умел спеть об этих жестоких страстях?

– А теперь про снежиночку с пальто, а, Мить? – попросила Лера, когда все песни были уже перепеты – хотя, правда, Митя неизвестно откуда знал их такое множество, что и в самом деле мог бы петь до полной хрипоты.

– Про снежиночку – не буду, – неожиданно ответил он.

– Почему? – удивилась Лера – она так любила эту песню!

– Не хочу.

И ничего больше не стал объяснять, но Лера тут же перестала просить. Митя делал только то, что хотел, и никто не мог его заставить – ей ли было этого не знать!..

Они напелись, насмеялись – а многие и напились – до одурения. Лера так устала перед своей первой брачной ночью, что без сил упала на диван.

– Ох, Костя, ну и повеселились! – выдохнула она. – Правда, хорошо было?

– Отлично, – согласился он. – Хорошие у тебя друзья.

– Ну, они старались сегодня. Даже Гоша набрался только к самому финишу, держал себя в руках.

– У Мити голос как у Высоцкого, – вдруг сказал Костя.

– Да ты что! – удивилась Лера. – С чего ты взял? Ничего общего: у Высоцкого хриплый голос, а у Мити баритон, и очень мелодичный. Совсем не похоже!

– Дело не в этом – мелодичный или хриплый, – не согласился Костя, но уточнять, что он имеет в виду, не стал.

А Лера так устала, что ей вообще было не до этого. Кроме того, хоть она и не впервые оставалась с Костей наедине, но так надоело за эти два года вечно куда-то торопиться, вечно от кого-то скрываться неизвестно почему, что она просто радовалась своей первой брачной ночи, и бесконечным ночам, которые будут потом.

Так началась ее семейная жизнь, которая и продолжалась теперь, октябрьским дождливым вечером, когда муж Костя пришел из Ленинки и ужинал на кухне, а жена Лера расспрашивала его про библиотечный буфет – для самоуспокоения.

Лера слушала мужа, улыбалась, чувствовала, как одолевает ее усталость, как сами собою слипаются ресницы, – но сквозь усталость, сквозь Костин голос и подступающий сон пробивался неотвратимый вопрос: как же они будут жить дальше?

Она так и уснула, чувствуя рядом Костино тихое дыхание – и не найдя ответа.

Глава 5

Мамино лекарство – первый звоночек, это Лера поняла сразу. Она кожей чувствовала, что жизнь скоро переменится совершенно; это не могло быть иначе. Интуиции ей всегда было не занимать – и Лера ждала перемен.

Да и как можно было их не предвидеть – после недавних августовских дней, которые так взбудоражили всю страну, и особенно Москву!

Лето этого года они с Костей, как обычно, проводили в Калуге – вернее, под Калугой, где у старших Веденеевых был в деревне домик. Вообще-то Лера любила деревенскую жизнь еще со времен Студенова, но заготовка запасов на зиму надоела ей до чертиков. Она просто не привыкла к тому, что это можно делать в таких масштабах – в Москве-то они с мамой питались из магазина, – и теперь просто изнывала от бесконечного консервирования, засолки и засушки.

Правда, свекровь не настаивала, чтобы этим занималась еще и Лерочка, но ведь самой неудобно сидеть с книжкой или гулять по окрестностям, когда вся семья собирает, варит, закручивает, да еще приговаривает: это деткам в Москву, на зиму!

В общем, Лера вздохнула с облегчением, когда, оставив Костю родителям в качестве заложника, смылась в середине августа в Москву, где очень кстати намечалась конференция по Данте в Библиотеке иностранной литературы.

Она вдруг почувствовала мало кем ценимую прелесть летнего пустого города: его пыли, сухой листвы, плавящегося асфальта и собственного легкого одиночества, – всего того, что пропускалось почти всеми москвичами, сбежавшими на это время за город.

Во дворе было пусто: большинство соседей тоже разъехались по дачам.

И когда девятнадцатого августа Лера выбежала на Неглинную и остановилась на мгновение – чувствуя, что оставаться дома невозможно, и раздумывая, куда же идти, – ей тоже никто не встретился во дворе.

Каждый час, каждая минута этих дней до сих пор, спустя почти три месяца, помнились ей так ясно, как будто все это было вчера. Эти танки на улицах, эти толпы людей, которые нарочно гуляли вечером, чтобы показать свое презрение к тем, кто хотел ими командовать.

И неожиданно хлынувший дождь, под которым она так промокла ночью у Белого дома, что едва не подхватила воспаление легких, и разговоры, и споры, и ощущение полного бесстрашия, которое ей было не в диковинку, но которое многие открыли в себе впервые.

Она даже о Косте забыла и вспомнила только когда все кончилось и он наконец застал ее дома звонком.

– Лерочка, да я чуть с ума не сошел! – услышала она взволнованный Костин голос в трубке. – Неужели ты была на улице, как же можно!

– А где же мне было быть? – пробормотала Лера: она едва не падала после бессонных ночей.

– Представляю, что было с мамой!

– Да ничего с ней не было, все нормально, – успокоила мужа Лера. – Я, Коть, наверное, уже не приеду. Ратманов звонил, он симпозиум готовит... Ты когда будешь?

Мама действительно ни разу не попросила, чтобы Лерочка осталась дома. Даже наоборот: когда все кончилось, когда Лера наконец выпалась и смогла членораздельно рассказать обо всем, что видела и в чем участвовала, Надежда Сергеевна сказала, к огромному Лериному удивлению:

– Как все-таки хорошо, что ты так вовремя приехала, правда? Я представить себе не могу, что было бы, если бы тебя там не было...

И то, что после всего этого время снова потянулось так безысходно, так уныло – с пустыми магазинами, ощущением собственной незначимости, – не могло, конечно, длиться долго.

Лера радовалась переменам, сопровождавшим ее студенческую юность. Да и как было не радоваться: все в ней звенело и трепетало, когда она читала то, что раньше невозможно было читать, говорила о том, о чем раньше люди боялись даже шептать. Господи, да все у нее было, как у всех – и митинги, и «Архипелаг», и пронзительное ощущение свободы...

Однажды она шла по Петровским линиям, потом свернула в Камергерский и вдруг поняла: а ведь вот в том доме горела на столе свеча, а потом стоял гроб доктора Живаго, и сюда приходила проститься с ним, мертвым, Лара!.. И она, Лера, живет в десяти минутах ходьбы от этого дома...

Что значили по сравнению с этим пустые прилавки, и очереди, и дефицит всего и вся! Хотя Лера ненавидела убогую жизнь, но потерпеть ради свободы...

И только теперь, впервые, она подумала: свобода – это хорошо, но лекарство-то все равно будет нужно, и никто его на блюдечке не принесет. Мысли эти были не то чтобы мучительны, но назойливы, и Лера каждый день ощущала их свербящую неотвратимость.

Она даже не догадывалась, что всего лишь через какие-нибудь полгода об этом придется задуматься очень многим людям – в ее дворе, в Москве и за ее пределами. И далеко не все поймут то, что поняла она: что никто не принесет на блюдечке...

А главное, за мыслями должно было следовать действие, так было у Леры всегда, и сейчас она раздумывала только – какое.

Как обычно и бывает, выход оказался там, где его и не думаешь искать.

Ранний утренний звонок разбудил Леру, но не заставил проснуться окончательно.

– Попросите гражданку Михальцову, – услышала она женский голос в телефонной трубке.

– Сейчас, – ответила Лера. – Узнаю, дома ли гражданка.

Она взяла с тумбочки бронзовый бюстик Пушкина и три раза коротко постучала по трубе парового отопления. Услышав ответный стук сверху, Лера сказала в трубку:

– Она подойдет ровно через минуту.

Волей-неволей пришлось просыпаться совсем, вылезать из-под теплого одеяла на холодный пол и шлепать к двери, чтобы открыть Зоське.

Зоя Михальцова жила как раз над Лерой, но не в квартире, а, по сути, на чердаке, и телефон там был не положен. Но ведь человек не может жить посреди Москвы без телефона, это просто ненормально – и Зоське звонили по Лериному номеру.

Зоя была на три года моложе Леры. Сейчас, когда и самой Лере уже исполнилось двадцать пять, казалось, что Зоська жила в их дворе всегда, но на самом деле это было не совсем так. Лера отлично помнила, как та появилась здесь – шестилетняя, маленькая, с мышиной светлой косичкой.

Зосина мама Любовь Петровна устроилась дворничихой, и ей тут же дали служебную жилплощадь – эту самую комнату на чердаке. Кажется, за Любой Михальцовой числилась даже не комната, а койко-место. Но чердачная квартира все равно пустовала, жил там только слесарь, тоже занимавший одну комнату, – и Люба устроилась попросторнее.

Ее две комнаты находились в самом конце необозримого обшарпанного коридора с холодными стенами, покрашенными облупившейся масляной краской. От входной двери и от туалета было еще идти-идти, чтобы попасть к Любе. Пришедшие сюда впервые вообще пугались: не верилось, что в этом мрачном, сыром жилище могут жить люди.

Но Люба жила, и даже неплохо жила. Во всяком случае, открыв дверь в ее апартаменты, гость ахал – таким неожиданным теплом и уютом веяло на него прямо с порога. Уютными

казались сводчатые – по форме крыши – потолки, и полукруглые чердачные окна, и круглый стол с бахромчатой скатертью, и даже трещина в стене, завешенная большой фотографией Зосиных покойных бабушки и дедушки.

Обстановка в двух крошечных комнатках была более чем простая, но это никому не мешало чувствовать себя здесь как дома. Как не мешало этому отсутствие горячей воды и ванной, и то, что холодная вода была зимой не просто холодной, а ледяной: слишком близко к улице проходили трубы.

То есть, наверное, Люба очень даже ощущала все эти «удобства», но она была такая тихая, безответная, так радовалась тому, что может жить с дочкой не в общежитии, а в квартире, – что ей и в голову не приходило жаловаться.

Каждый, кто приходил в этот дом, тут же проникался щемящим, пугающим чувством беззащитности этих двух одиноких женщин – Любы и ее дочки, и даже как-то терялся: как же они живут вот так, одни? Хотя мало ли женщин живут с детьми в одиночестве, и гораздо хуже...

Но Зосю впервые увидели не дома, где она была словно бы защищена самой беззащитностью своей матери, а во дворе, где действовали довольно жесткие детские правила. Эту жесткость Зося сразу же ощутила на себе.

Дело в том, что звали ее Жозефина. Один бог знает, почему Любе пришло в голову назвать единственную дочь таким странным именем – даже в Москве странным, не говоря уж о городке под названием Обоянь, откуда она привезла девочку, как только немного обустроила свое жилье.

Но когда Зося впервые вышла во двор погулять, держа в руке скакалку, и сообщила девчонкам и пацанам, как ее зовут, – в ответ ей раздался такой хохот, что она покраснела и слезы выступили у нее на глазах.

– Жозефина?! Вот это да! – громче всех хохотал Женька Стрепет из второго подъезда. – Что ж ты думаешь, мы тебя так и будем звать? Нет, мы тебе другое придумаем имя!

И они начали наперебой придумывать.

– Жозя!

– Физя!

– Тогда уж лучше просто Жопа!

Это была обычная жестокость восьми-девятилетних детей, с которой мало кто не сталкивался в детстве. Но для маленькой Жозефины все это было настоящей трагедией. Она бросила скакалку и, в голос разрыдавшись, убежала домой.

– Жозя! Физя! – несло ей вслед.

Все это повторялось с завидным упорством, когда бы Жозефина ни вышла во двор. Неизвестно, почему так травили эту маленькую беленькую девочку из-за такой ерунды, как вычурное имя, – но дети уже не могли остановиться. Ко всему добавлялось еще и то, что Жозефина была «из деревни», и это давало дополнительный повод к насмешкам.

Трудно сказать, чем кончилась бы эта травля, длившаяся несколько недель, если бы не Митя Гладышев.

Митя появлялся во дворе редко – у него не много времени было для прогулок, – но метко. И неудивительно – он был душой двора, а это ведь и у каждого отдельного человека так: душа, она же не может быть видна постоянно – когда, например, человек жует свой повседневный бутерброд или мчит за утренним автобусом. Но уж если она у него есть, то никуда и не денется.

Митя возвращался с занятий, держа в руке футляр со скрипкой, и вполне мог не заметить Жозефину, спрятавшуюся под покатой подвальной крышей возле его подъезда. Тем более что уже смеркалось, а после своих скрипичных уроков Митя вообще мало что заме-

чал. Но он все-таки услышал шмыганье и тихое иканье, доносившееся из-под крыши, тут же заглянул туда и извлек на белый свет Жозефину.

– Чего ревом? – спросил Митя, присев перед ней на корточки и с усмешкой вглядываясь в опухшее личико.

Ему было в это время четырнадцать, а он уже заканчивал Центральную музыкальную школу и, конечно, имел право насмешливо относиться к сопливой мелочи.

– Ничего-о! – прорыдала Жозефина.

– Ничего – не бывает. Скажи, скажи – может, я тоже с тобой пореву! Ну, что молчишь?

Жозефина подняла на взрослого мальчика голубые зареванные глаза и, проникнувшись к нему неожиданным доверием, сообщила:

– У меня плохое имя!

– Плохое? – удивился Митя. – Думаешь, бывают плохие имена? И как же тебя зовут?

– Жо.... Жозефина... – выговорила она с опаской.

Митя не выдержал и тоже улыбнулся.

– Да-а, вот это фантазия! Ну и что? Разве ты не можешь жить со своим именем?

– Я могу. – Глаза Жозефины снова стали наливаться слезами. – Я могу, но они же не могут! Они меня дразнят, придумывают другие имена всякие, и к тому же я – из деревни!..

– Из деревни – ничего, – возразил Митя. – Ломоносов тоже был из деревни. А как тебя мама дома называет?

– Так и называет – Жозефина. Ей нравится.

– А внимания ни на кого не обращать ты разве не можешь – тем более, маме нравится? – спросил Митя.

Он разговаривал с ней так серьезно, несмотря на то что был совсем взрослый, – что Жозефина прониклась к нему полным доверием.

– Не могу, – вздохнула она. – Я бы отсюда насовсем уехала обратно в Обоянь, но бабушка умерла, и мама сказала, что я теперь буду жить здесь с ней всегда.

– Не уезжай в Обоянь, – попросил Митя. – Ты мне нравишься. А им скажи... Скажи, что тебя зовут... Какое-нибудь простое имя... Да, скажи, что тебя зовут Зося, вот и все! Зося – это красивое польское имя, по-моему, можно считать его уменьшительным от Жозефины. И заодно можешь сказать, что твоя прабабушка была польская королева и враги ее сослали в эту Обоянь. Чтобы они заткнулись насчет деревни, если уж тебя это так удручает. А если не заткнутся – можешь сказать, что я их убью. Меня зовут Митя Гладышев, я живу в этом подъезде, в седьмой квартире, и они меня знают. Поняла, Зося?

И он исчез в темноте подъезда, словно растворился под звон дождевых капель о крышу подвала.

Но самое удивительное, что так и получилось, как он сказал! Как только Митя дал ей имя, Зося словно заново появилась в их дворе – и никто, ни один человек, как по мановению волшебной палочки, не обидел ее больше! Ей даже не пришлось говорить про польскую королеву – всем и так понравилось ее новое имя, и ее наконец признали здесь своей.

Лера обо всем этом узнала позже, от Мити: в то время она болела свинкой и целый месяц не показывалась во дворе.

Нельзя сказать, чтобы Лера очень уж дружила с Зосей в школьные годы. Все-таки скрывалась трехлетняя разница в возрасте, да и учились они в разных школах. Но они отлично знали друг друга, и знали, что могут рассчитывать друг на друга всегда. И разве этого мало?

Поэтому Лера не находила ни странным, ни утомительным, что Зосе звонили по ее телефону.

Оставив дверь открытой, Лера снова забралась в постель, легла на Костину подушку. Она любила поспать подольше и с удовольствием использовала аспирантскую возможность

не бежать чуть свет на лекции. А Костя в свои аспирантские годы чуть свет уезжал в Институт, к улиткам.

– Да, конечно, – говорила Зося по второму аппарату в прихожей. – Конечно, поеду опять. Нет-нет, самолетом дорого! Я без претензий...

«Интересно, куда это Зоська собирается, да еще самолетом?» – подумала Лера, поняв, что заснуть не удастся.

– Спасибо, Лер. – Зоська заглянула в комнату.

Она мало изменилась с тех пор как пятнадцать лет назад впервые зашла к соседке Лере, жившей прямо под ее чердаком. Те же тоненькие, прямые и мягкие как пух светлые волосы, те же голубые глаза – маленькие, как и все черты ее лица, как и остренький носик. Внешность у Зоси была не слишком примечательная, но милая – в маму Любу. И она была похожа на птичку-синичку.

– Не за что, – ответила Лера. – А ты что, ехать куда-то собираешься?

– Да ведь я езжу уже, ты разве не знаешь? – удивилась Зося.

– Куда это? Ничего не знаю!

– В Турцию, челночницей. Я как раз с фирмой говорила, которая шоп-туры организует.

– Надо же! А я думала, ты в детском саду своем работаешь.

– Нет, какой теперь детсад!

– Но тебе же нравилось?

– Ой, теперь не до того, чтоб нравилось, – махнула рукой Зося. – Мы же на квартиру на очереди, ты знаешь? А теперь – пожалуйста, предлагают только кооператив. Или ждать еще лет сто, тоже вариант. Кооператив – ты представляешь, сколько он теперь стоит? Но я уже не могу, Лер! – воскликнула Зося. – В Сандуны ходить всю жизнь – дело хорошее, но когда вода замерзает в кране... И трещина такая стала, прямо ветер свищет. Кажется, дунь, и развалится стена. А никому дела нет. Говорят, не хотите кооператив – ваши проблемы, значит, можете подождать. А эти поездки – Лер, ты себе не представляешь! Раз за три можно первый взнос оплатить...

– Подожди, Зоська, не сыпь так быстро, – остановила ее Лера. – Я все поняла, но ты мне расскажи подробнее. Пойдем на кухню, кофе пить.

Глава 6

Выслушав Зоськин рассыпающийся мелкими горошинками рассказ о челночных поездках в Турцию, Лера тут же заявила:

– Слушай, а мне можно с тобой?

– Тебе-е? – глаза у Зоси округлились. – Тебе-то зачем?

– Что значит – зачем? Думаешь, я живу как у Христа за пазухой? Нет, ты не подумай, я не жалею, но и хвастаться особо нечем.

И Лера рассказала Зосе историю с лекарством.

– Да и вообще, – добавила она, – мне двадцать пять лет. Не шестнадцать, конечно, но и не семьдесят. А я, чтобы колготки купить, специально деньги должна откладывать. Нормально это, как ты думаешь?

– Разве я говорю? – заоправдывалась Зося. – Но странно это как-то: ты – и вдруг... Хотя, – тут же возразила она себе, – туда кто только не ездит! Кандидаты наук даже есть, вот не поверишь!

– Да ладно, можно подумать, я принцесса крови. Почему бы и не я? Ты когда едешь? Возьмешь с собой?

– Через месяц, в декабре. Загранпаспорт нужен, есть у тебя?

Загранпаспорт у Леры был: предполагалось, что она как пишущая диссертацию по Италии поедет в Рим. В результате недолгих и неизвестных Лере интриг поехала доцент Рыбкина, и даже Ратманов ничего не смог сделать.

Но эти подробности были теперь неважны – главное, паспорт был.

Лера и не знала, что эти поездки, оказывается, давно уже отлично налажены: ей не пришлось возиться ни с визами, ни с билетами, надо было только подождать до декабря – и пожалуйста, все готово, можно ехать.

Самолетом, конечно, было дорого. Все-таки это ведь не экскурсия, а коммерческая поездка, какой смысл тратить лишнее на билеты? Зося объяснила все это, немного смущаясь, но Лера и не предполагала, что предстоит роскошное турне.

– Да брось ты, Зось, – отмахнулась она. – Я что, дура, по-твоему, простых вещей не понимаю? Поедем поездом, куда нам спешить?

Меньше всего Лера думала о такой ерунде, как комфорт; она думала совсем о другом...

Ее пугала эта поездка. Это было первое событие в Лериной жизни, перед которым она испытывала страх, лишь смутно догадываясь о причине. Конечно, в газетах всюду писали о всевозможных ужасах, подстерегающих несчастных челноков, – и все-таки причина Лериной робости была не в тех опасностях, которые можно внятно описать в газете.

Она чувствовала, что с этим так случайно возникшим в ее жизни делом связана какая-то другая жизнь – та, которой она совсем не знала. И она не могла понять: ведь это же интересно – новая жизнь, новые люди, ведь она всегда любила радостный трепет предчувствия, связанный со всем, что ново. Почему же так сжимается сердце, когда она думает об этой нынешней новизне, почему возникает в груди такая пронизывающая пустота?

«Может, я просто стесняюсь? – размышляла Лера. – Стесняюсь становиться торгашкой? Да нет, какое там!»

Она никогда не стеснялась ни простой работы, ни простых людей. Вернее, она даже не отличала себя от людей, которых принято называть «простыми» – например, от Зоськиной мамы Любы. Лере повезло: она с детства знала людей, при которых просто невозможен был снобизм; ничего подобного не было и в ней.

Но тогда почему же?..

Лера ожидала, что известие о ее поездке вызовет шок у мамы и Кости. Насчет мамы она не ошиблась. Глаза у Надежды Сергеевны округлились, когда она узнала, что Лерочка уезжает уже через неделю – и куда, и зачем!

– Но ведь сколько людей теперь ездит, мама, – пыталась успокоить ее Лера. – Ты же сама, помнишь, носки турецкие дяде Штефану в подарок покупала на рынке?

– Но Лерочка... – Надежда Сергеевна едва не плакала. – Я ничего плохого не хочу сказать про ту женщину, что продавала носки, но ведь она... Ведь она явно не училась в МГУ. И потом, у нее на лице лежала печать такой безысходности... Совершенно ясно, почему она торговала носками – скорее всего, дети, муж-пьяница. Но ты-то почему?

– А я – потому что учусь в МГУ и дальше собираюсь учиться, – объяснила Лера. – Слава богу, каждый день на лекции ходить уже не надо, вот и останется время для забот о бренности земной. И ведь я не собираюсь всю жизнь этому посвятить – ну что ты, мам! Съезжу один раз, денег заработаю, посмотрю – даже интересно!

Лера старалась, чтобы голос ее звучал как можно более убедительно. Не хватало еще, чтобы мама поняла, что последней каплей – или, наоборот, первой? – стало ее лекарство... И она обернулась к Косте, ища поддержки:

– Ведь правда, Коть, даже интересно? Все-таки это же Константинополь, Царьград, Византия... И эмиграция первой волны, и все... Нет-нет, действительно интересно!

Она искала у Кости поддержки, но сама не поняла, почему слегка вздрогнула, получив ее.

– Наверное, ты права, Лерочка, – согласился Костя. – Я тоже думаю, что надо использовать любую возможность для того, чтобы посмотреть мир. Конечно, хотелось бы в Италию, по твоей специальности. Но для начала и Турция интересна. В самом деле, Константинополь...

Лера только вздохнула – и тут же отогнала от себя печаль этого непонятного вздоха. В конце концов, даже хорошо, что Костя пока еще не понимает... Что у него нет ощущения этой новой жизни, которая разверзается перед его женой. Ведь иначе он наверняка возражал бы, просил не ехать, они бы, может быть, даже поссорились...

Лера рисовала в воображении эти неприятные картины семейного разлада и радовалась, что ничего подобного не происходит.

С Митей можно было поговорить об этом спокойнее, он ведь не мама, не ужаснется. То есть Лера и не собиралась с ним говорить об этом – он сам поймал ее за руку, когда она, на бегу поздоровавшись, летела мимо него через двор.

– С Зоськой едешь? – спросил Митя, перехватывая Леру; ей волей-неволей пришлось тормознуться.

– Да, а что?

– Ничего. – Он смотрел на нее с обычным своим выражением: голова чуть наклонена, глаза прищурены, и не поймешь, интересно ему или смешно. – А что так, вдруг?

– Ой, Мить, ну это долго объяснять, сейчас времени нет!

Но все-таки Лера объяснила в двух словах, что к чему. Когда знаешь человека почти двадцать лет, можно объяснить быстро – в надежде, что он и так поймет. Она даже добавила про Царьград, вызвав откровенную насмешку.

– Вот про это только не надо мне рассказывать! Вещая Олега нашлась! Ладно, лягушка-путешественница, когда ты едешь?

– Скоро. В конце декабря.

– В конце декабря?.. – сказал Митя задумчиво. – К Новому году хоть вернешься?

– Ну конечно! Как раз тридцать первого, представляешь?

– Представляю. Скажи Косте, чтобы такси заказал заранее. На вокзале ни одного не будет, увидишь. Я однажды тоже из Праги под Новый год прилетел – думал, пешком буду добираться. Ну, счастливо тебе!

Они мало разговаривали с Митей в последнее время, и всегда вот так, на ходу. Лера понимала, что не может всю жизнь быть столько же времени на разговоры, сколько бывает в ранней юности, – и все-таки жалела, что не может...

Они ведь раньше могли говорить бесконечно и бессонно, и им никогда не надоедало. Во время одного из таких бесконечных разговоров Митя даже спел ей – как раз об этом.

– О том, как мы сидим с тобой и говорим, послушай, – сказал он и прикоснулся к струнам – осторожно, легко, вслушиваясь в первый аккорд так, как будто слышал гитарный голос впервые.

Так, на любимой бульварной скамейке дворовой молодежи, она впервые услышала эти стихи: «Ты задумался, я сижу, молчу, занавесь окно, потуши свечу», – и едва не заплакала.

– Ты сентиментальна, Лерка, – улыбнулся Митя. – Даже не верится.

– Это плохо? – спросила Лера.

– Как это может быть плохо – если человек способен на чувство? Да и вообще...

Но что «вообще» – не объяснил.

Но это давно было, Лере едва исполнилось пятнадцать. А у Мити тогда, в его двадцать лет, было гораздо больше свободного времени, чем теперь. Правда, он и тогда занимался по сто часов в сутки, но – меньше ездил, что ли? Конечно, тогда ведь не очень-то можно было ездить. А сейчас его и в Москве-то редко увидишь: то конкурс где-нибудь в Европе, то турне...

Но в данную конкретную минуту Лере некогда было думать об этом, и вспоминать было некогда: она бежала к Зоське, чтобы узнать, купила ли та доллары. Покупку долларов можно было считать ответственным мероприятием по целому ряду причин. Потому что от их количества зависела вся поездка; потому что, хоть все на такую мелочь давно плюют, но покупать их не в банке – дело-то подсудное; потому, наконец, что доллары покупались на деньги, вырученные Лерой в антикварном магазине за старинное кольцо с сапфиром – даже не Лерино, а прабабушкино, перешедшее к Лере в день совершеннолетия. На деньги, вырученные за колечко, вся их семья могла бы жить довольно долго. Но не каждый же день колечки продавать, а поездка – долговременный источник.

– Ой, я как вспомню, каково их везти – доллары! – рассказывала Зоська, когда они с Лерой уже пили чай за круглым столом с бахромчатой скатертью. – Их же вывозить разрешают – ну просто кошкины слезы. А там знаешь как обидно бывает: ведь каждый доллар на счету, как не взять лишних? Еще и из-за них невозможно самолетом лететь: они же звенят под прибором. А в поезде могут и не найти. Хотя, конечно, если не повезет на таможне и вцепятся... Но я тебе потом покажу, как спрятать – едва ли найдут.

Лера слушала Зоську, и ощущение гулкой пустоты внутри становилось все более гнетущим. И снова не могла она понять, в чем дело. Ее не пугали разговоры о таможне, о том, что придется прятать доллары, – а тяжесть в груди не проходила, и тоска не отпускала, грызла сердце.

Лера уезжала ранним декабрьским утром в Стамбул, так и не поняв, что же с нею происходит.

Глава 7

«Но все-таки ведь и правда интересно, – говорила себе Лера уже в пути, устроившись на жесткой вагонной полке. – Я ведь даже на Украине, можно считать, не была: Крым не Украина. А тут Болгария, Румыния...»

Через Болгарию и Румынию предстояло ехать автобусом: в фирме сообщили, что это еще дешевле, и они с Зоськой тут же согласились.

– Автобусом не так уж и трудно, – сказала Зося. – Тем более, только от границы, всего одна ночь. Я однажды от самой Москвы трое суток автобусом ехала – вот это тяжело было. Мужики все напились, пристают...

«Жалко, что ночью, – думала Лера. – Хоть в окно бы посмотреть».

Она уже успела привыкнуть к дороге, поспала, и настроение у нее улучшилось. В самом деле, зачем предаваться какой-то необъяснимой тоске, когда мелькают за окном новые земли и влажное тепло юга уже вливается в тамбур во время коротких остановок?

– Лер, – напомнила Зоська, – деньги же надо спрятать, забыла?

– Да, правда, – вспомнила Лера. – Ну, в туфли, что ли? Или в лифчик?

– Нет, это ерунда, – возразила Зоська. – В лифчик сразу полезут, первым делом, если искать начнут. А спрятать надо в трусы. В пакетик целлофановый положить, в тряпочку завернуть – и между ног.

Леру немного смутили Зоськины физиологические откровения, но тут же ей стало смешно, и она кивнула. Чтобы спрятать деньги, пришлось выйти в туалет: соседки по купе, мрачноватые тетki с крашенными в один и тот же цвет волосами, сидели как монолиты и выходили только по очереди, а проделывать эту процедуру при них не хотелось.

Приближение к границе почувствовалось сразу – по той нервозности, которая воцарилась в вагоне. Лера и сама ощутила неприятный холодок страха – на этот раз не какого-то необъяснимого чувства, а именно страха. Это было так ново для нее, так странно, что она тут же разозлилась на себя.

Страх – до дрожи – не прошел и когда пошли по вагонам пограничники. Вид у них был такой серьезный и лица пассажиров они сличали с фотографиями так внимательно, словно именно в этом вагоне, именно в этом купе предстояло им обнаружить злостного нарушителя границы.

Лере показалось, что их как-то слишком много: сначала зашли одни, потом другие, заставили всех выйти и осмотрели все купе. Потом – еще какие-то двое.

– Доски есть? – тут же спросил один из них, глядя прямо на Леру.

– Что? – растерянно спросила она. – Зачем нам доски?

– Ну, иконы, иконы – возем? – поторопил парень.

– А! Нет, иконы не возем. – Лера улыбнулась с облегчением.

– Водки сколько?

– По две бутылки, как положено, – ответила Зоська. – Могу показать.

Но показывать не пришлось. Удовлетворившись их ответами, пограничники – или это были уже таможенники? – исчезли. Лера вздохнула было с облегчением, как вдруг в дверях купе возникла следующая группа. На этот раз ее возглавляла женщина, высокая, полная и чернобровая, почему-то казавшаяся неопрятной.

– Женщины, долларов сколько возем? – спросила она уверенным и властным тоном.

Лера, Зоська и две их попутчицы переглянулись, не зная, кто должен отвечать.

– Как в декларации написали, – наконец ответили они вразнобой.

– Так-таки и по декларации? – прищурилась таможенница. – На Турцию, значит, поглядеть едем, товаров не будем приобретать? Ой, ну смех с этими челноками, хоть бы за дуру меня не держали!

Неожиданно она отступила в коридор и скомандовала оттуда:

– Вы три, – она кивнула на монолитных теток и Зоську, – выйдите. А вы, – кивок в Лерину сторону, – в купе останьтесь.

Выходя в коридор, Зоська испуганно оглянулась на Леру, но таможенница уже закрывала за ней дверь.

– Женщина, а мне кажется, у вас-то лишние доллары и есть, – сказала она, внимательно глядя Лере прямо в глаза.

Глаза у самой таможенницы были цепкие, ощупывающие – казалось, ее взгляд сейчас проколет Лере лицо.

– Почему же вам так кажется? – спросила Лера.

Сердце у нее заколотилось так быстро, что она испугалась, как бы не участилось дыхание.

«Хорошо еще, что я не краснею, – успела подумать она. – Хорошо, что не блондинка...»

– Насмотрелась тут на вас. Чутье у меня как у собаки, – коротко объяснила таможенница.

Потом неторопливо, старательно ощупывая, провела руками по Лериной груди, животу.

– Ну-ка, расстегните халат, – велела она.

Лера принялась расстегивать пуговицы, стараясь, чтобы не дрожали руки.

– Снимайте халат, снимайте, – поторопила таможенница. – Теперь лифчик. Так, туфли тоже снимайте. И дайте-ка мне их сюда!

Оставшись в одних трусах, Лера нагнулась и подала таможеннице туфли. Та, не отводя взгляда от голой Леры, быстро ощупала их изнутри и, чтобы не нагибаться, поставила на полку.

– А в трусах у вас что? – медленно протянула она. – Ну! Между ног – что?

– Вы не знаете, что бывает между ног? – спросила Лера, прищурившись.

– Знаю, вы меня не учите. А белое, вон то – что?

– У меня месячные – что, нельзя?

– Что-то много вас с месячными челночат! – хмыкнула женщина. – А если я сейчас и трусы скажу снять, и проверю, какая у тебя там гигиена?

– Пожалуйста, – пожала плечами Лера. – Если вам не противно... Снимать?

– Ладно, – таможенница наконец поморщилась. – Хотя и надо бы...

«Сейчас проверит на этот самый прозвон, – билось у Леры в висках. – Найдет эти чертовы доллары – и что тогда? Хорошо, если просто отберут, а если вообще обратно отправят?»

– Одевайтесь, – коротко бросила таможенница. – Некогда тут с вами, а то бы...

Не дожидаясь, пока Лера оденется, она вышла из купе, не став больше никого обыскивать.

Придерживая на груди руками незастегнутый халат, Лера опустилась на полку.

– Лер, ну ты не переживай так, – шептала Зоська, когда они вышли вдвоем в коридор. – Не нашла же, что еще надо? Но ты молодец, не растерялась! Я же тебя и не предупредила даже, что говорить в случае чего... Теперь все нормально будет, ведь, считай, повезло!

– Повезло, – машинально кивнула Лера.

Она никак не могла стряхнуть с себя оцепенение, овладевшее ею с той самой минуты, когда таможенница велела снять халат. И снова: это не страх был – то непонятное чувство, которое она испытала.

Она совсем не боялась этой женщины; на самом деле, не боялась даже того, что найдут лишнюю сотню долларов. Но эти короткие толстые пальцы, которые могли прикоснуться к ней, Лере, – прикоснуться по полному праву, по закону – эти властные пальцы, перед которыми она была абсолютно беспомощна...

Она вдруг поняла: «А ведь я вообще беспомощна сейчас, я влилась в какой-то поток, в котором действуют совсем другие законы, чем я привыкла, и в этом потоке никто не различает отдельных капель...»

Это и была та неведомая жизнь, что так смутно страшила ее все время до отъезда. И как жить в ней, какой быть в ней теперь – когда не хочется быть никакой?..

– Смотри, подняли поезд, – услышала она голос Зоси. – Колеса перед Болгарией меняют, ты же не видела еще?

Лера снова кивнула – что за дело ей было до колес!

– Тут недалеко до следующей остановки. Горна Оряховица называется, – объясняла Зоська. – А там в автобусы погрузимся – и все, до самого Стамбула.

Ночная дорога в автобусе запомнилась Лере только остановками то на румынской, то на турецкой границе. Выходили, показывали вещи, документы.

– Туда вообще-то нормально ехать, – снова объясняла Зоська. – Взять с нас, кроме долларов, нечего, а их еще возись, ищи... А вот обратно – это похуже будет: все ведь на виду, что везем.

Лера впала в какое-то странное состояние, напоминавшее бред. Огни пограничных постов поблескивали в воспаленном сознании; чужие голоса звенели в ушах, откуда-то изнутри распирая голову. Ей стыдно было перед Зоськой. Как будто испугалась всех этих таможен, обысков и проверок! Как объяснить, что дело совсем не в этом... У Леры было такое ощущение, словно она вылезает из собственной кожи, словно со скрипом меняется каждую минуту.

Безобидная поездка, предпринятая так неожиданно и легко, оборачивалась чем-то бесповоротным.

Лера уснула только под утро, когда уже ехали мимо турецких поселков, едва различимых в редющей предрассветной тьме.

Шея затекла от сидячего сна, и Лера едва подняла голову.

– Стамбул, Лер, приехали! – толкала ее Зося.

Все уже проснулись, пили кофе из термосов. Лера тряхнула головой, приходя в себя.

Несмотря на усталость после бессонной ночи, она чувствовала себя гораздо лучше. Как-то отдалилось воспоминание о таможеннице с ее властными пальцами, перестали мучить ночные размышления. К тому же усталость, которую надо было преодолеть, мешала прислушиваться к собственному состоянию.

Петляя по узким улицам, автобус подъехал к гостинице «Гянджлик».

– Слушай, а почему здесь так грязно? – удивилась Лера, спрыгнув на тротуар.

– Сама не понимаю, – так же удивленно протянула Зося. – Смотри, мусор кучами лежит!

Действительно, асфальт был устлан отбросами, обрывками и объедками.

– У них мусорщики бастуют, вот и грязь, – лениво объяснил шофер. – А вам-то не все равно разве? – добавил он. – До магазинов догребете как-нибудь, не утонете.

Они находились в европейской, торговой части Стамбула, и это немного разочаровало Леру. Тот Константинополь, который ей так хотелось увидеть, оставался за Босфором.

Когда разместились в гостиничном номере и, перекусив дорожными остатками, отправились в город, – все стало еще яснее. Лера видела Зоськино нетерпение: той хотелось как можно скорее пробежаться по знакомым магазинчикам, выяснить, не появилось ли в них

чего-нибудь подешевле. Лера прекрасно ее понимала. Дело даже не в том, что Зоське безразлична Айя-София, просто она человек практический и совсем не склонный к самообману.

Шум на узеньких торговых улицах стоял невообразимый. Но, как ни странно, он не утомил, а, наоборот, взбодрил Леру. Ей понравились зазывалы, стоящие возле каждой лавчонки и хватающие прохожих за руки. Их жесты и интонации были так выразительны, что трудно было не поддаться на эти настойчивые приглашения.

– Наташа, Наташа! – кричали зазывалы, узнавая в Лере и Зосе русских.

– Они всех наших Наташами зовут, – усмехнулась Зоська. – Откуда взяли – непонятно.

В лавочках их встречали так, словно они были долгожданными гостями: показывали товар, приносили кофе, на пальцах показывали цену.

– Нет, – решительно говорила Зоя. – Я другую лавку знаю, там дешевле. Пойдем!

«Господи, как она помнит эту другую лавку! – удивлялась Лера. – Все же одинаковое – и лавки, и улицы, и зазывалы».

– А на какой она улице, та лавка? – спросила она наконец.

– Да я не знаю, на какой. Здесь, по-моему, улицы вообще без названий, – ответила Зоська. – От гостиницы нашей через три улицы, и там потом еще налево – я тебе покажу.

В той лавке товары действительно оказались дешевле. То есть не все товары, а только коробочки с наборами мужских трусов – по пять штук в прозрачной упаковке.

– Видишь, я же говорила, – торжествуя сказала Зоя. – А еще поторгуюсь да побольше возьмем – представляешь, на сколько дешевле обойдется? Обязательно сюда потом придем, я и в прошлый раз их здесь брала.

Что до Леры – она купила бы эти трусы уже сейчас и отнесла в гостиницу. Какой смысл приходить потом? Но Зоя была другого мнения.

– Ну что ты! – сказала она. – А вдруг мы что-нибудь такое обнаружим... Сногшибательное! И решим побольше взять, а трусов – поменьше?

– Что уж такое сногшибательное ты ищешь? – с тоской заметила Лера.

Она тут же заметила, что Зоська слегка надулась: в самом деле, почему она должна объяснять Лере каждую мелочь? И, заметив это, Лера тут же поспешила загладить свою вину:

– Нет, ты не думай! Пойдем, конечно, еще походим, куда нам спешить? Вдруг и правда – сногшибательное...

– А что ты думаешь? – оживилась Зоя. – Ты вспомни, что у нас там сейчас творится!

Они не заметили, как проходили до обеда. Ноги у Леры гудели, хотя она и надела удобные кроссовки: сказывалась непривычка к долгой ходьбе.

– Можем после обеда еще пойти, а можем и отдохнуть, – успокоила ее Зоя. – Три дня у нас в запасе, успеем. Хотя, по-моему, можно уже начинать покупать, зачем надолго откладывать? Вот продадим свое – и вперед.

«Свое» значило ту самую водку и заварочные чайники. Зоська заранее предупредила Леру, что везти в Турцию на продажу.

– Там каждый доллар на счету – знаешь, какую прибыль дает в Москве, – объяснила она. – А они почему-то заварочные чайники любят, с ними даже на рынок можно не ходить, прямо на улице и продадим. Игрушки еще любят наши: у них там дорогие до чертиков и плохие вообще-то. Я прошлый раз даже старых своих кукол собрала – и все расхватили в момент.

Собирать старых кукол Лера не стала – да их у нее, кажется, и не было, она не любила в детстве кукол, – а вот за этими заварниками пришлось обежать пол-Москвы.

В декабре, накануне Нового года, московские магазины поражали таким унынием, какого она не видела никогда прежде. В «Подарках» на Горького почти все витрины вообще были застелены полиэтиленовыми пакетами с изображением кота Леопольда и надписью

«Ребята, давайте жить дружно!». Наконец удалось купить три чайника из серо-белого, в голубых цветочках фаянса.

Зоська была права: даже на рынок идти не пришлось. Едва они стали на улице с прозрачными пакетами, в которых лежали заварники и бутылки с водкой, – тут же послышалось:

– Наташа! Наташа! Неей чья?

Через дорогу к ним уже спешил молодой веселый турок, на ходу спрашивая пальцами, сколько стоит их товар. Торговался он яростно, то и дело выбрасывая новое число пальцев обеих рук, поворачиваясь, делая вид, что сейчас уйдет, – но в конце концов купил и заварники, и водку. Отдав деньги, он протянул руку к Лере и быстро, словно так и надо, погладил ее по груди, слегка ущипнул.

– Ты что, с ума сошел! – отшатнулась Лера, но турок только засмеялся и отправился дальше, подхватив покупку.

– Ты не удивляйся, они все здесь так, – успокоила Зоська. – Ты видела, как здесь женщины одеты, как держатся? Конечно, они наших всех проститутками считают, что поделаешь.

Леру удивило, что Зося так спокойно относится к тому, что ее считают проституткой. Впрочем, удивлялась она все реже. К концу этого бесконечного дня Лере уже казалось, что она провела здесь полжизни. И ничего особенного уже не видела она в этом, сутки назад еще незнакомом, восточном городе, и ей было тоскливо, и хотелось не погулять подольше, а поскорее попасть в гостиницу, растянуться на кровати...

«Айя-София! – вдруг подумала она с горечью. – Господи, вот дура!..»

Единственным, что еще будоражило воображение, были запахи еды. После Москвы, где теперь даже пирожок днем с огнем было не найти на улице, улочки Стамбула поражали обилием всевозможной снеди. Всюду что-то жарилось, варилось, продавалось – мясное, рыбное, овощное и фруктовое! Особенно фруктовое: от обилия фруктов, громоздящихся на лотках прямо на улицах, у Леры текли слюнки.

Зося заметила жадные взгляды, которые Лера бросала на все эти бесчисленные лотки, и сказала извиняющимся тоном, как будто была виновата в здешнем изобилии:

– Лер, дороговато это... То есть по сравнению с другими странами, может, и не дорого, но для нас – нет, невозможно. Ну скажи: ты можешь, например, блузочку обменять на пару груш или на кусок мяса? Я – не могу. Долларами за еду платить – да ты что! И мы же ненадолго сюда, – успокоила она. – Три дня можно и тушенки поесть, не умрем, правда?

– Правда, – вздохнула Лера.

Зоська лучше знала законы того мира, в потоке которого несло их сейчас.

Вечером поели тушенки с хлебом, запили чаем и сразу выключили свет. Не хотелось даже читать захваченный с собой детектив.

Впрочем, свет пришлось включить минут через пятнадцать: по всей комнате раздавалось осторожное тараканье шуршанье. Вскоре Лера ощутила на своей щеке торопливое щекотанье лапок – и вскочила как подброшенная пружиной.

– Что же теперь, всю ночь при свете спать? – едва не плача, спросила Зоська. – Откуда они взялись, гады? Вот прошлый раз в «Эрден-Сараево» поселили – там ни одного не было!

– Что-то не слишком тебе со мной везет в эту поездку, – невесело усмехнулась Лера. – И таможня обыскивает, и мусорщики бастуют, и тараканы даже...

– Ерунда! – тут же горячо возразила Зоська. – Подумаешь, тараканы! Ну, не будем свет выключать. Я, например, так вымоталась, что и при свете усну.

Лера тоже уснула при свете, и короткие обрывки мыслей, проносившиеся в ее голове в последние несколько минут перед сном, были совсем не веселыми.

На следующий день Лера даже удивилась: почему было не погулять по вечернему Стамбулу, почему не выбраться в Старый город?

«Сегодня – обязательно, – решила она. – Нельзя же так падать духом неизвестно почему!»

С утра Лера чувствовала себя довольно бодро. К ней вернулось то самое ощущение легкого, летящего движения, которое всегда сопровождало ей в Москве, а сейчас было уже почти забыто. Она и выглядела хорошо – стройненькая, невысокая, но и не маленькая, с пышной недлинной стрижкой и живым взглядом прозрачно-карих глаз.

Одеты они с Зоськой были по-походному: в джинсах, куртках с капюшонами, которые то и дело приходилось набрасывать, чтобы не мокли волосы от мгновенно тающего снега.

В этот, второй день Лера внимательнее пригляделась к людям на улицах. Она впервые была в чужой стране, и ей интересно было: как живут они здесь, чем отличается их повседневность от того, к чему она привыкла в Москве? Это, пожалуй, было даже интереснее, чем старина – живая жизнь людей, гомон во влажном воздухе...

Мужчины мало чем отличались от европейцев – если не считать характерной восточной внешности. Одеты они были примерно так же, как одеваются мужчины в Москве. Необычным было, пожалуй, только то, что многие из них прямо на ходу перебирали четки.

«Неужели они и правда постоянно молятся? – подумала Лера. – Или просто нервы успокаивают?»

Поверить в молитвенное состояние прохожих было тем труднее, что едва ли не каждый второй из молодых мужчин норовил выразить свой интерес к русским женщинам: уверенно щипнуть на ходу, подмигнуть, приглашая куда-то за угол, прищелкнуть языком, окидывая их оценивающим взглядом.

Лера вскоре перестала обращать на это внимание. Действительно, слишком уж они с Зоськой отличались от турецких женщин. Те были в неизменных платках, в длинных свободных плащах и сапогах. Даже руки были закрыты перчатками – наверное, чтобы не оставалось уж совсем ни одного открытого участка тела.

– Сейчас еще ничего, – сказала Зоська, заметив, что Лера рассматривает одежду турчанок. – А вот как они летом так ходят, в жару – ума не приложу. Точно так же одеты, представляешь? Некоторые даже сапог не снимают!

Второй день был днем основных покупок, пришлось побегать даже больше, чем вчера. Теперь они не просто смотрели и приценивались, но главным образом яростно торговались. Лера и представить себе не могла, что в магазине можно сбавить цену больше, чем в Москве на рынке. Но Зоська, судя по всему, даже и не собиралась брать товар по той цене, которую сразу назначали торговцы.

– С ума ты сошла! – толкала она Леру, видя, что та готова согласиться с первой же ценой. – Да он же сам знает, что с запросом говорит! Нас же дурами будет считать, если не поторгнемся.

И она спорила до хрипоты и тоже делала вид, что уходит, и наконец удовлетворенно покупала десятки лифчиков и трусов по цене, чуть не вдвое ниже первоначальной. Лера вскоре оставила собственные попытки принимать участие в торге и только расплачивалась, перегружая в объемистые сумки купленный товар.

Они несколько раз возвращались в гостиницу, относили покупки, шли снова. Присев на минуту в кресло, чтобы отдышаться перед очередным заходом, Лера смотрела на Мраморное море, которое было видно из окна, на огромных бакланов, летающих у самого берега...

Зоська устала еще больше, чем Лера, и та поглядывала на нее с уважением. Устала – не устала, а все так же неутомимо бежит по магазинчикам, и торгуется все так же яростно, и вспоминает, где видела женские кошельки подешевле, которых, конечно, следует купить как можно больше.

– Вся Москва с этими кошельками ходит, – объясняла Зоська. – Ты не видела разве?

– Но зачем тогда их везти, если уже и сейчас у всех полно? – удивлялась Лера. – Думаешь, до бесконечности будут брать?

– Не знаю, как до бесконечности, а пока берут, – не соглашалась Зоська. – Ты, Лер, просто по себе судишь. Тебе хочется что-нибудь такое, чего ни у кого нет. А нормальному человеку наоборот – хочется такое же, как у всех...

Иногда они сталкивались в магазинах с другими челноками из их группы. Те брали точно такие же кошельки и трусы-«недельки», и Лера не переставала удивляться: как же продать все это бесконечное количество одинаковых вещей, кому?

Закупив уже, казалось, все, что было возможно, Зоська скомандовала:

– Давай еще мохер возьмем. Отлично идет, берут влет.

– Да он же садится после первой стирки, – возразила было Лера. Когда-то мама научила ее вязать, и, хотя она не слишком увлеклась этим, все-таки однажды даже связала свитер для Кости. – Кто его брать будет?

– Еще как берут! – убежденно сказала Зоська. – И какое тебе дело, что он садится? Для себя, что ли, ты его покупаешь?

И они нагрузили очередную сумку разноцветными мотками.

К вечеру они вымотались так, что не могли пошевелить ни рукой, ни ногой. Лера даже не заикалась ни о какой вечерней прогулке по городу. Не только потому, что глупо было предлагать это Зоське, но и потому, что самой уже тошно было выходить на знакомые улочки.

Тем более что вечер вовсе не был свободен: следовало упаковывать мешки к завтрашнему отъезду.

Собственно, все их попутчики уже этим и занимались. Когда Лера и Зоська вернулись в гостиницу с последней партией товара, из-за каждой двери на их этаже доносился треск разрываемого скотча. Весь их номер был завален пакетиками, коробочками и моточками. Просто не верилось, что все это можно как-то уложить!

«И ведь у всех столько, – подумала Лера. – Как же мы втиснемся в автобус?»

Вздохнув, она принялась укладывать товар в большие пластиковые мешки.

Как и все, за что бралась Лера, это нехитрое занятие быстро было ею освоено. Она ничуть не уступала Зоське в сноровке, с которой увязывались и заклеивались мешки, – и скоро целая гора громоздилась посреди комнаты.

– Все! – сказала наконец Зоська, удовлетворенно поглядывая на плоды их трудов. – Молодцы мы с тобой – смотри, мешочки как куколки!

Пока было у нее какое-то конкретное занятие – покупать, относить, паковать, – Лера чувствовала легкий душевный подъем. Но теперь, глядя на гляцевую гору мешков, она ощущала только тоску, и больше ничего.

Странное чувство овладевало ею... Впервые она столкнулась с чем-то подобным, кажется, в пионерлагере, куда мама отправила ее после пятого класса, «чтобы ребенок подышал свежим воздухом». Тогда, в девчачьей палате на пятнадцать коек, ей вдруг показалось, что другого мира – мира, в котором она родилась и росла, который любила, – просто не существует. Нет их дома на Неглинной, нет ее школы на Сретенке, и книг нет, которые она украдкой читала до полуночи, и вообще – ничего нет, а есть только галдящие девчонки, на которых она почему-то обязательно должна быть похожа, и есть ходьба строем, и речевки, и утренние линейки...

Тогда, вечером в лагерной палате, ей стало так тоскливо, что она полночи прорыдала под одеялом и наутро решила сбежать отсюда во что бы то ни стало. Слишком уж невыносимо было лишиться своего мира – Лере казалось, что это произошло безвозвратно.

«Но ведь привыкла ты тогда, – уговаривала себя Лера, сидя на кровати в номере гостиницы „Гянджлик“. – Привыкла, и тебе даже понравилось потом. За ягодами можно было

бегать чуть свет, и на танцы вечером, и Сережа Хмара из второго отряда приглашал танцевать только тебя...»

Но мысль о том, что вот точно так же привыкнет она и к беготне по стамбульским магазинам, была для Леры невыносима.

– Может быть, завтра еще что-нибудь докупим, – сказала Зося. – Я еще ночные рубашки видела дешевые, можно их. Все равно автобус только вечером, а из гостиницы в двенадцать надо выметаться. Не платить же за лишние сутки.

– Что же мы, с мешками этими будем по городу бродить? – удивилась Лера.

– Да ты не волнуйся, – успокоила Зоська. – Здесь же понимают. Разрешат в вестибюле с мешками посидеть до вечера. Ты посидишь, а я сбегаю, а потом я посижу.

Вот это и оказалось самым невыносимым – сидеть на мешках в вестибюле гостиницы «Гянджлик»! Даже унижение таможенного обыска не могло с этим сравниться. Там, по крайней мере, все происходило один на один и довольно быстро. А здесь – минуты казались часами, а часы – вечностью...

Зоська умотала в город сразу же, как только они перетаскали свои мешки вниз и расположились рядом с другими челноками из их группы. Лера уселась на мешок с мохером и уставилась перед собой пустыми глазами.

Вестибюль был полон. Входили и выходили проживающие, шли в ресторан, болтали и смеялись на ходу, что-то жевали, звонили куда-то из автоматов, просто сидели в мягких креслах и пили кофе.

Колоритная челночная группа привлекала всеобщее внимание: не так уж много было в Стамбуле русских челноков. Темпераментные турки останавливались, показывали на них пальцами, хохотали. И, конечно, призывно подмигивали, приглашая пройти с ними, и похлопывали себя по карманам, обещая деньги.

Лера сидела, стиснув зубы, чувствуя себя животным в зоопарке.

«Сейчас кто-нибудь булочку бросит, – зло думала она. – Куда же девалась Зоська? Скорее бы пришла, и я бы убежала отсюда куда глаза глядят, ничего бы не покупала больше, походила бы хоть немного по городу просто так, к морю бы пошла».

И, главное, не сидела бы здесь, в этом вестибюле, на проклятых мешках, под насмешливыми и маслеными взглядами, не слышала бы этого хохота...

Чтобы хоть немного отвлечься, выключиться из происходящего, Лера стала вспоминать – так, что в голову приходило, что подсказывало мечущееся сознание.

Например, простые песенки под гитару. Она всегда могла их слушать и петь до бесконечности, и сейчас, прижав ладони к ушам, чтобы ничего не слышать извне, нарочно старалась вспомнить слова своих любимых.

«Удлинились расстоянья, перепутались пути... До свиданья, до свиданья, где тебя теперь найти? Не увидишь, не докажешь, чья вина и чья беда. То, что спуталось однажды, не распутать никогда. Нам не встретиться с тобою, не поможет нам никто. Только грусть смахни рукою, как снежиночку с пальто...»

Такая была песенка. Вроде бы никакого отношения она не имела к Лериной ясной и счастливой судьбе, но Лера ее очень любила и шептала сейчас, беззвучно шевеля губами и прикрыв глаза.

Кто-то потряс ее за плечо. Лера вздрогнула от неожиданности.

– Не спите, девушка, – услышала она знакомый голос. – Товар унесут!

Лера подняла глаза и увидела Митю Гладышева. Без малейшего удивления, как будто они встретились где-нибудь на Столешниках, он стоял перед нею и смотрел с обычной своей усмешкой.

Глава 8

Но самое необыкновенное было в том, что и сама Лера почти не удивилась, увидев его! Как будто это и правда было совершенно обычным делом – вдруг столкнуться с ним нос к носу в стамбульской гостинице.

Она только обрадовалась – так обрадовалась, увидев его, что едва не заплакала.

– Ой, Митя! – воскликнула Лера и тут же шмыгнула носом. – Неужели это ты?

– Несомненно, – подтвердил Митя, присаживаясь на корточки рядом с ней. – Или я похож на привидение? Ты, например, не похожа – мешков слишком много. А Зося где?

– В город пошла, – объяснила Лера. – За ночными рубашками.

Первая радость мгновенно прошла, и Лера вдруг почувствовала невыносимый стыд перед Митей – оттого, что сидит на этих мешках, в этом вестибюле, под взглядами любопытствующих... Стыд тут же сменился злостью – как ни странно, на него же. Зачем он появился здесь, зачем сидит рядом с нею и даже – зачем выглядит таким же изящным, как всегда, в расстегнутом темно-синем плаще, с блестящими каплями дождя на темных волосах?

Кажется, Митя догадался, что с ней происходит. Усмешка исчезла с его лица, и он посмотрел на Леру как-то странно, немного грустно и немного как-то еще – она не могла понять, как, да и не хотела.

– Скажи, подружка моя, – вдруг спросил он, – а что делает сейчас твой муж Костя? Изучает мозги улиток?

Лучше бы он этого не спрашивал! Лера разозлилась так, что уже не стала сдерживаться.

– А что, по-твоему, – зловеще протянула она, – все должны теперь все бросить и кинуться лифчики закупать? И вообще, тебе-то какое дело до моего мужа и до того, чем он занимается?

Но Митю трудно было обидеть или напугать Лериным зловещим видом. Он, наоборот, улыбнулся и снова прикоснулся к ее плечу, словно успокаивая.

– Ладно, ладно, не кипятись. Не мое – так не мое, это ты права. Скажи мне лучше: как ты думаешь, не пора ли пообедать?

– Ты что, хочешь, чтобы я еще и тушенку здесь открывала? – устало сказала Лера. Весь ее сердитый пыл улетучился, и она теперь действительно не чувствовала ничего, кроме усталости. – Мало того что я здесь сижу, как в клетке, так теперь еще устроим кормление зверей?

– Тушенку – не надо, – согласился Митя. – Но тут же полно всякой еды, и все едят на ходу. Я сейчас принесу что-нибудь, вот и все.

– Дорого, – возразила Лера.

– Недорого. И вкусно.

– Не надо, Мить, – сказала она. – У меня правда аппетита совсем нет. Тошно...

– Какого же черта ты сюда поехала! – рассердился он. – Ты что, дурочка совсем, себя не знаешь? Так расспросила бы кого-нибудь и сообразила, кому сюда надо ездить, а кому нет. С твоим воображением – не надо, это точно!

– Не сердись, Митя, – попросила она. – Я и сама теперь понимаю, но не улетишь же отсюда по воздуху. Конечно, дура, конечно, не надо было. Но я же не думала, что так все... И к тому же: а лекарство, а вообще – на что жить, можешь ты мне сказать?

Митя замолчал.

– Ладно, чего уж теперь, – сказал он наконец. – Скоро Зоська придет?

– Не знаю. Сказала, только за рубашками, но, может, еще что-нибудь ищет. У нас автобус в восемь, а сейчас уже четыре – надо думать, к автобусу-то явится.

Зоська появилась через пять минут – и едва не упала, увидев Митю.

– Господи, ты-то здесь откуда? – ахнула она. – Ты что здесь делаешь, Митя?

– Вот Лерка – та об этом даже и не спросила, – усмехнулся он. – Ничего особенного я здесь не делаю. Изучаю турецкую музыку. Диатонические напевы в унисонном сопровождении, очень своеобразная. Здесь ведь, между прочим, Оперный театр есть, не только ваши лавки. Забочусь о разнообразии своего творческого развития. Зося, – тут же спросил он, – ты еще куда-нибудь пойдешь?

– Да нет, никуда. – Зоська покраснела чуть не до слез. – Теперь моя очередь сидеть.

– При чем тут очередь... – начала было Лера, но Митя оборвал ее.

– Тогда мы с Леркой пройдемся немного, – сказал он. – Ей, как искусствоведа, интересно будет город посмотреть. Может, она еще своих итальянцев бросит и турками увлечется по совместительству с коммерцией. Правда, Лер?

– Конечно, вы идите, идите, – торопливо сказала Зося. – Не опоздайте только к восьми.

Лера знала, почему Зоська залилась краской, увидев Митю, почему опустила глаза и, кажется, ждала, чтобы он поскорее ушел.

Зоська была в него влюблена, это знал весь двор и, скорее всего, сам Митя. Она влюбилась в него, наверное, в тот самый день, когда он придумал ей имя, – и до сих пор это чувство оставалось неизменным. Зоська смущалась, даже старалась Мити избегать – и смотрела на него с непреходящим обожанием, всегда снизу вверх. И такой смешной, такой трогательной она при этом становилась, что Лера даже сейчас едва сдержала улыбку.

Да, вот это был для Зоськи сюрприз – увидеть здесь Митю Гладышева! Лера хотела было предложить, чтобы Митя не ее, а Зоську прогулял по городу, – но не решилась. Как-то неудобно было затевать здесь спор, да и что еще он на это скажет?

Они вышли из «Гянджлика» и направились к бухте Золотой Рог. Митя шел быстро, усталая Лера едва поспевала за ним. Но, как ни странно, идти ей становилось все легче, она вдруг почувствовала, как снова становится стремительной походка, как легко она лавирует между прохожими... Лера даже удивилась было этому, но тут же перестала следить и за походкой своей, и за усталостью.

Ей показалось, будто она попала совсем в другой город! И улицы были те же, и люди, но блаженное чувство бесцельности всего этого неожиданного похода наполнило ее живым любопытством. Впрочем, пешком они шли совсем недолго: Митя быстро остановил такси.

– Глупо тратить время здесь, – объяснил он, – когда у тебя всего три часа осталось. Знаешь что – давай к Айя-Софии потом, если успеем. А сейчас доедем до Галатского моста и через него – в Старый город, на Капалы Чарши.

– Что это – Капалы Чарши? – спросила Лера.

– Стыдно, мадам историк! – укорил Митя. – Бунин даже писал о нем, да и другие многие. Это восточный базар – настоящий, не ваш ширпотребовский. Был центром всего Ближнего Востока.

То, что они попали в «настоящее» место, Лера поняла сразу за мостом, на Рыбном рынке. Чувствовалась близость четырех морей: рыба просто заливала прилавки и лотки бесконечными серебряными волнами. Скумбрия, ставрида, кефаль, меч-рыба – про этих Лера хотя бы слышала. А были еще какие-то, с красными пятнышками у губ, и были плоские, как блины, и омары, и мидии...

У нее глаза разбежались от этого сверкающего изобилия, и тут же она почувствовала, как заурчало в животе. Чуть ли не через каждый метр стояли жаровни, на которых шкворчало и благоухало все, что заполняло прилавки.

– Теперь не тошно? – улыбнулся Митя. – Можем пообедать наконец, раз уж аппетит к тебе вернулся.

Они отошли на два шага в сторону и, присев за маленький круглый столик, ели горячую, истекающую жиром и соком кефаль, заедая ее мидиями.

– А мы мидий в Крыму ели, – вспомнила Лера. – Когда после четвертого курса на виноградники ездили работать. Но эти лучше, правда?

– Наверное, – согласился Митя. – Эти – отличные.

Глаза у него блестели, и в них была не всегдашняя усмешка, а просто улыбка. Видно было, что ему нравится и этот шумный рыбный рынок, и мидии, и Лерина радость.

– Пойдем? – спросил он, когда от кефали остались только косточки. – Где-нибудь кофе выпьем.

Кофе они выпили на Египетском рынке, на горе за мечетью. Но до того, как они уселись в маленькой кофейне, чтобы перевести дыхание, – до этого у Леры даже шея заболела от того, что она беспрестанно вертела ею налево и направо.

Вообще-то это и не рынок был даже, а большая сводчатая улица-лабиринт с окнами по бокам. Каждое из окон было маленькой лавкой, из каждого продавали фрукты и овощи: прозрачный и благоухающий мускатный виноград, оливки всех цветов и оттенков – соленые, маринованные, которые Лера с удовольствием пробовала, – и абрикосы, и персики, и сушеный инжир в красивых соломенных корзинках, в которых каждая инжиринка была завернута в фольгу, и перцы, и баклажаны, а дальше сладости, горы мраморной халвы, и еще, и еще – и до бесконечности!

Это было так красиво, от всего этого изобилия веяло таким счастливым довольством и жизнью, что Лера смеялась, идя по улочке между бесконечных фруктовых рядов и пробуя все подряд.

– Бежим отсюда, Митя! – взмолилась она наконец. – Я желудок расстрою, не доеду до дому!

И они оказались в полутемной кофейне, где густой восточный аромат навевал совсем другие, неторопливые мысли. Серьезный турок с выражением священнодействия сварил кофе в старинных медных джезве: трижды дал подняться ароматным шапкам пены, потом легко постучал по горячей меди – и пена побелела.

– Тысячу раз ведь описан этот город, – тихо сказала Лера, вдыхая жаркий запах кофе над крошечной чашечкой. – И я, кажется, читала... А когда попала сюда, словно затмение какое-то нашло. Ты понимаешь, мне показалось, что не было здесь ничего – ни Святой Софии, ни вот этих базаров восточных знаменитых, и генерал Хлудов не смотрел на эту бухту... Только лифчики да мохер, да какие-то кошельки – по сто штук в руки. Я все забыла, ничего не видела! Наваждение, да?

– Не знаю, Лер, – ответил Митя. – Я сначала подумал: тебе не надо было все это затевать. А теперь – правда, не знаю. Какой смысл в том, чтобы закрывать глаза перед жизнью? В тебе жизнь бьет через край, все равно тебе себя не удержать. Но ведь тяжело это...

– Что – тяжело? – не поняла Лера.

– Да вот это столкновение с жизнью, на которое ты решилась. Мне всегда странно было: как это тебе хватает Тинторетто, венецианцев твоих? На тебя только взглянуть...

– Что, появляются мысли не о Тинторетто, а о рынке в Лужниках? – обиделась Лера.

– Нет, совсем не то. Я же сказал: жизни в тебе много, и сразу ясно, что ей тесно в любых застывших формах.

– Ты считаешь, это плохо?

– Я ничего не считаю. Я знаю только, что это нелегко. Застывшие формы поддерживают, а выдержать без них – на это не каждого хватит, особенно теперь. Времена идут тяжелые.

Он замолчал, глядя на Леру и вдыхая сигаретный дым.

– Жаль, что ты торопишься, – улыбнулся он вдруг. – Мы бы с тобой кальян покурили. Или хочешь гашиш попробовать?

– Не знаю, – Лера тоже не удержалась от улыбки. – Я и обыкновенные сигареты курила только в школе, за компанию.

– Тогда пойдем? – сказал Митя. – Если хочешь, конечно, если ты не устала. Ведь он удивительный, я думаю – этот рынок. Византийский город.

Византийский город был так же шумен, как привычные Лере торговые улочки европейского Стамбула. Но Митя быстро провел ее мимо зазывал куда-то в сторону, в узкий и тихий переулок.

– Откуда ты знаешь, куда идти, Мить? – удивилась Лера. – Ты что, был здесь?

– Не был, – ответил он. – Но говорю же тебе, он описан в сотне книг. И знакомых в Оперном расспросил. Мы сейчас в ювелирный ряд пойдем.

В ювелирном ряду было совсем мало покупателей, да и те в основном любовались работами старинных мастеров – медными кальянами и подносами, черненым серебром. Серебро Леру тоже заинтересовало, и она с удовольствием разглядывала изящные колечки, и узкие браслеты, и витые серьги с тускло поблескивающими камнями.

– Лер, можно я тебе что-нибудь подарю? – вдруг спросил Митя. – Кольцо вот это, например?

– Но зачем? – удивилась она. – Представляю, сколько оно стоит, это же ручная работа! Я вообще здесь хожу как в музей.

– Это неважно – можно? – повторил он, и Лера услышала в его голосе какую-то странную интонацию.

– Ну, подари, – сказала она. – Спасибо, Митя. Но ты и так мне подарил сегодняшний день...

– Но к Софии мы не успели, – заметил он. – Вот и пусть будет колечко – вместо Айя-Софии, хорошо?

– Что значит – не успели? Мы же не на экскурсии! Все было так хорошо – даже без Софии, я тебе правда благодарна...

Айя-Софию они действительно увидели только издалека, сквозь быстро стгушающиеся сумерки. Но, как ни странно, ажурное серебряное колечко, которое Лера тут же надела на руку, и в самом деле было похоже на этот храм. Во всяком случае, на такой, каким представлялся он Лере. Это было удивительное Митино свойство: как он говорил, так и получалось – как с Зоськиным именем.

В гостиницу они вернулись без четверти восемь. Перепуганная Зоська выбежала им навстречу, бросив без присмотра мешки.

– Зось, мы долго? – извиняющимся голосом издалека сказала Лера. – А мы тебе рыбу жареную принесли, чтобы ты не сердилась!

– Ой, ну какая рыба! – воскликнула Зоська. – Автобус уже пришел, вы что! Все погрузились, а я тут бегаю как клушка, а все, конечно, своими вещами заняты, не до меня. По-моему, нам и впрямь места не хватит в автобусе, просто ужас, сколько туда барахла уже втиснули!

– Не волнуйся, Зоська, сейчас погрузим, – успокоил ее Митя.

Глаза у него снова веселились, и выражение лица было как всегда – насмешливое ожидание.

Они быстро перетаскали мешки к автобусу, но затолкать их внутрь действительно не представлялось возможным. Кажется, в автобусе негде было даже стоять, не то что сидеть или складывать багаж.

– Что же делать? – растерянно сказала Зоська.

Лера заметила: как только появился Митя, Зоська переменялась – стала какой-то маленькой, испуганной и неуверенной. Как будто это не она совсем недавно яростно торговалась в лавках и носилась по городу в азартном поиске очередной партии товара. Теперь она то и дело бросала на Митю вопросительные взгляды, словно ожидая совета.

А Лера наоборот – воспрянула духом, и ее уже не могла напугать такая ерунда, как переполненный автобус.

– Но без вас ведь не уедут, правильно я понимаю? – спросил Митя и тут же, вскочив на подножку, обратился с этим вопросом куда-то внутрь автобуса. – Ведь не уедете же без них, правильно?

– Да что ты будешь делать с этими тетками? – извиняющимся тоном ответил ему водитель. – Ведь и знают же, что с места не тронемся, пока всех не загрузим, а все равно... Ну, пусть сидят на своих клунках, раз не торопятся, а я подожду! – Это он произнес уже громко, в салон.

То ли слова шофера возымели действие, то ли Митина веселая уверенность, но внутри автобуса нехотя зашевелились пассажиры, задвигались мешки, и вскоре оказалось, что вполне хватает места для Лериной и Зосиной поклажи.

– Вот и отлично, – удовлетворенно произнес Митя. – Спасибо за сознательность, товарищи! Ну-ка, девочки, быстренько, пока коллеги не передумали, – поторопил Митя, подхватывая их поклажу.

Общими усилиями мешки оказались в автобусе в мгновение ока. Зоська сразу нырнула в салон, помахав Мите рукой на прощание. Лера остановилась на минуту в дверях.

– А ты надолго сюда, Митя? – спохватилась она. – Я ведь даже не спросила...

– Ты вообще мало спрашиваешь. Ненадолго, сегодня вечером самолет.

– Тогда – до Москвы, дома увидимся? – сказала Лера.

– Не увидимся. Я ведь не в Москву, разве я не сказал?

– А куда же? – удивилась она.

– В Лион. Главным дирижером Оперы.

– Ничего себе! – поразились Лера. – Почему же ты ничего не рассказывал, Мить? Ведь это же... Главным дирижером!

– Я же говорю: ты мало спрашиваешь.

– И на сколько?

– На год пока, а там видно будет. Меня ведь давно приглашали, но пока мама была... А сейчас – что меня удерживает в Москве?

Он неотрывно смотрел снизу на стоящую на ступеньке Леру. Та отвела глаза. Она тоже понимала, что Мите тяжело должно быть в Москве после смерти матери, и ей нелегко было встречать его взгляд – словно устремленный туда, где была теперь Елена Васильевна...

– Но ты же будешь приезжать? – неуверенно сказала Лера.

– Не знаю, посмотрим. Ладно, подружка, счастливо тебе! – Он легко коснулся рукава Лериной куртки.

– Спасибо, Митя! Если бы не ты, я бы с ума сошла, точно!

– Не сошла бы, – улыбнулся он. – Это не те страхи, от которых ты можешь сойти с ума.

И он пошел по улице, не оглядываясь, а Лера поднялась ступенькой выше, и дверь за ней захлопнулась.

Зоська уже сидела у окна и держала рядом место для Леры. Вид у нее был печальный, она была похожа на нахохленную синичку с остреньким носиком.

– Как он появился здесь?.. – проговорила она. – И почему?..

– Он же сказал: турецкую музыку изучал, – сказала Лера.

– А ты и поверила...

Глава 9

Несмотря на усталость, несмотря на то что Зоська оказалась права, обещая, что обратный путь будет труднее, – эти трудности показались Лере совсем ерундовыми.

Конечно, их автобус становился на каждой границе объектом пристального внимания. Приставали турки, приставали румыны, потом болгары. Каждый пограничник вспоминал, что у него есть жена, дети и множество родственников, которым не помешает новая тряпка.

Но все эти бесконечные препирательства с обнаглевшими должностными лицами уже не казались Лере ни унижительными, ни даже требующими душевных сил. Она и сама не понимала, почему это произошло, но она повеселела, почувствовала в себе прежнюю готовность дать отпор кому угодно – словно струна зазвенела у нее в груди. И, не утруждая себя лишними размышлениями, она вытаскивала из мешков коробочки, и пакетики, и банки с пивом – и отдавала таможенникам.

В этих хлопотах прошла вся ночь. Когда в Горной Оряховице автобус остановился у железнодорожного вокзала, измотанная Зоська сказала с тоской:

– Все, Лер, сил больше нет. А еще в поезд все это грузить, господи! Сейчас наши все опять как кинутся, снова места не останется в купе!..

– Останется, – успокоила ее Лера. – Почему ты думаешь, что я их вперед пропущу? Было бы кого!

И соратники уступили ее напору. Лера не расталкивала никого локтями, не ругалась, но действовала так уверенно, что никто не решился оттеснить их с Зоськой от подножки вагона, и их мешки оказались в купе вовремя.

Правда, Лера и сама устала после этого мероприятия – присела на краешек вагонной полки, стараясь отдышаться. Зоська – та и вовсе была бледной, тяжело дышала, и капельки пота выступили у нее на носу. Даже странно: она, казавшаяся такой неутомимой и неунывающей в начале поездки, теперь совсем сдала; какой-то безнадежностью веяло от нее.

– Что с тобой, Зосенька? – попыталась приободрить ее Лера. – Погрузились ведь, сейчас поедem. Уже можешь расслабиться – по крайней мере, до границы.

– Не обращай внимания, – махнула рукой Зося. – Я не устала, это я так просто...

«Что с ней, в самом деле?» – мелькнуло у Леры в голове.

Но надо было как-то разместить мешки в купе, надо было не перепутать свои с чужими – и Лера забыла о странном Зоськином состоянии.

А разместить все, что они с Зоськой и их соседки втиснули в купе, – это была задача не из легких! Соседки были придавлены куда-то к самому окну, даже их голов не было видно из-за горы мешков. Лера с Зоськой, наоборот, стояли у самой двери, не надеясь сесть.

Как ни старались они все вчетвером превратить купе в пространство, пригодное для жизни, – это им не удалось. Кое-как забили мешками все верхние полки и весь пол, высвободив нижние полки, чтобы спать на них по двое.

Появился проводник, запричитал:

– Вещей какая прорва, и куда вы их прете? Перевес, с меня же штраф возьмут, не только с вас! Нет, не могу разрешить, не могу!

Разумеется, двух зеленых бумажек, полученных с Леры и Зоськи и с их попутчиц, оказалось достаточно, чтобы проводник испарился, забыв про перевес.

– Господи, что они с нами делают! – вздохнула одна из женщин – усталая, полная, в поношенном спортивном костюме.

– Ну и что? – хмыкнула вторая, с узкими блеклыми губами и пронзительным взглядом. – Вроде они не понимают: мы ж с этого дела неплохо поймеем – почему они не должны попользоваться? Если я про своих детей подумала, разве они не подумают?

Лере не хотелось сейчас никаких разговоров, рассказов о поездке, рассуждений о трудностях челночного дела. Но и попутчицам, похоже, было не до разговоров. Примостившись на своей полке, они задремали, не укладываясь, в ожидании границы.

– Теперь и граница-то какая, не поймешь – советская, украинская? – пробормотала одна из них.

Действительно, из Москвы уехали как раз после отречения Горбачева, и теперь Лера сама не могла бы ответить на этот вопрос. Правда, попутчиц и не интересовал ответ.

– Чья бы ни была, – махнула рукой вторая. – С тебя все сдерут, не переживай. Спи лучше!

Бодрый украинский – или еще советский? – таможенник подтвердил эти слова.

– Значит, так, бабы! – объявил он после того как пограничники проверили документы. – Чего у нас там по декларации? Лифчики, трусы, мохер, кошельки, ремни еще какие-то? У жинки моей – третий номер лифчика, ей два белых и черный, а у Петькиной – пятый, ей телесных надо три. Запомнили размеры? Действуйте, девчата, я к вам на обратном пути загляну. А то не много ли товару везете, могу же ж и поинтересоваться...

Едва отойдя от купе, он тут же вернулся.

– Да, а мне-то! Мне-то у вас и взять нечего... Ну, ремни давайте, что ли, обойдусь уж двумя. И пива пошуйте – неужто не запасли?

Когда таможенник исчез – наверняка ненадолго, – Зоська с тоской взглянула на забитые мешками полки.

– Два белых и черный, третий номер! Вот сволочь, брал бы любые – номер еще, цвет выбирает... Где я их буду сейчас искать?

Мешки действительно были похожи, как капли черной воды. Чертыхаясь, Лера полезла наверх, ощупывала их, отдирала скотч. Наконец удалось найти мешок с лифчиками, но, как назло, третьим номером в нем были только белые – и поиски пришлось продолжить.

Когда, чихая от вагонной пыли, Лера спустилась наконец вниз с лифчиками, Зоська уже выудила из других мешков ремни. Взглянув на расстроенное лицо подружки, Лера рассмеялась.

– Что уж тебе так весело? – обиделась Зоська.

– Это тебе что уж так грустно?

– А чему радоваться? – шмыгнула носом Зоська. – Ни за что отдай этим дармоедам, да еще размеры им подбирай!

Но Лере снова показалось, что Зоська расстроена не таможенными проблемами – или, во всяком случае, не только ими.

Удовлетворившись выданными лифчиками и ремнями, таможенник даже не заглянул в их мешки. Соседки отделались ночными рубашками и мохером.

– Все, девушки, спать, что ли? – весело воскликнула Лера, когда наконец поменяли колеса и поезд тронулся с места. – Вроде на родину въехали.

– Нет, ты подожди спать, – сказала Зоська. – Сейчас картошку понесут, винегрет. Прямо к поезду, представляешь? Хоть поедим по-человечески, не за валюту, а то уже глаза бы не глядели на тушенку проклятую!

Есть за рубли действительно было приятно, и женщины, тащившие к поезду горячую картошку, показались родными, хотя не преминули содрать с расслабившихся челноков втридорога.

А главное, Лера действительно наслаждалась всеми этими нехитрыми радостями, не думая больше ни о чем, не погружаясь в мучительное самокопание.

«Наверное, это и в самом деле не те страхи, которые могут меня одолеть», – подумала она, засыпая рядом с бессонно вертевшейся Зоськой.

Предновогодняя Москва выглядела так уныло по сравнению с живым, гудящим и едящим Стамбулом, что Лера почувствовала легкий укол разочарования, когда поплыл мимо перрон Киевского вокзала. Грязь, слякоть, суровые и недоброжелательные лица... А ведь так хотелось вернуться поскорее!

И вдруг она увидела Костю, стоящего на перроне, – и сердце у нее вздрогнуло. Но не от радости увидеть его, как Лера могла бы ожидать от себя, а от единственного отчетливого чувства: боже мой, да ведь я даже не вспомнила о нем ни разу за все эти невообразимые дни, как же стыдно!

«Нет-нет, это ничего не значит – просто было много дел, просто я уставала, – тут же сказала себе Лера, спрыгивая на перрон. – И как я рада его видеть!»

– Котенька! – воскликнула она, целуя мужа. – Как хорошо, что ты встретил! У нас столько вещей, ужас!

– Как же вы их несли в Стамбуле? – удивился Костя.

– Лучше не спрашивай! – махнула рукой Лера. – У меня теперь мускулы как у штангиста.

Но, увидев их багаж своими глазами, Костя просто остолбенел.

– Лерочка... – пробормотал он. – Но это же просто...

– Что – невозможно? – спросила Лера едва ли не с гордостью. – Я и сама не понимаю, как мы все это довели!

– Нет, это же просто... Как-то даже неприлично... То есть я предполагал, что ты что-то привезешь, но чтобы столько...

Вид у Кости был такой потерянный, что Лере стало его жаль – хотя ее укололи его слова о неприличии.

– Не так уж и много, некоторые больше везут, – спокойно возразила она. – У нас с Зоськой всего четырнадцать мешков на двоих, это нормально. Ладно, Коть, – сказала она, сурово посмотрев на подскочившего носильщика, – делаем так: Зоська стоит здесь, а мы с тобой перетаскиваем все к машине. Кстати, какая машина – такси?

– Нет, ты понимаешь, – начал объяснять Костя, – мне не удалось заказать такси. Было все время занято, а потом я опаздывал, когда выбегал из дому, поэтому и... Но мы что-нибудь найдем сейчас, не волнуйся.

Лера разозлилась было про себя, но ей так радостно было оказаться наконец дома, что она махнула рукой. И правда, неужели уж в Москве машину не найдем!

На площади Киевского вокзала не было и следа привычной очереди и привычной стоянки такси. Только несколько пассажиров топтались там, где она была совсем недавно, и изумленно оглядывались.

– Да-а, – протянула Лера, опуская мешок на грязный асфальт. – Этот вид транспорта уходит в небытие. Оно-то по городу давно заметно, но чтобы и на вокзале...

– Чем же мы поедем? – огляделся Костя.

– Чем – понятно, вопрос – почему, – объяснила Лера, показывая на стайку машин, припаркованных неподалеку.

И точно: к ним тут же подскочили несколько водителей, покручивая на пальцах ключи.

– Куда едем, ребята? – бодро спросил тот, что добежал первым. – Строгино, Тушино, Митино.

– Нет, в центр, – сказала Лера.

– Тогда, значит, со мной, – тут же встрял следующий.

– С тобой так с тобой, – согласилась Лера. – Лишь бы мешки поместились.

– Это мы знаем, – кивнул водитель. – Не первый раз к этому поезду ездим, дело привычное.

Лера осталась рядом с «Жигулями»-пикапом, а Костя побежал за багажом. Пока они с Зоськой перетаскивали мешки, Лера торговалась с шофером – впрочем, не слишком рассчитывая на успех: Москва ведь, не Турция.

– За пару километров – как до Митино! – возмущалась она.

– А что же ты думала, девушка, – насмерть стоял шофер. – Мне вообще резона нет на такие расстояния ездить, ты мне, считай, за вредность маршрута платишь!

– Ладно, все, – сдалась Лера, заметив, что вещи все равно уже погружены. – Поехали, что ж теперь...

– Я просто не представляю, Лерочка, как же мы будем выгружать все это прямо во дворе, – сказал Костя по дороге. – Ведь на глазах у всех, как на Лобном месте! А сегодня еще и дома все сидят – тридцать первое...

– Мы попросим водителя въехать на наш этаж, – сказала Лера с неожиданным раздражением. – Костя, сколько можно убиваться? Во дворе никто глазом не моргнет, не беспокойся. Они не такие видали картины.

– Не ссорьтесь, ребята, – примирительно заметила Зоська. – Ты бы, Костенька, лучше расспросил нас, как мы съездили.

– Да, действительно, я говорю совсем не о том! – устыдился Костя. – Что вы видели в Стамбуле, мои дорогие?

– Лифчики, – сказала Лера. – И трусы, и мохер – я тебе дома покажу, составишь полное впечатление о Византии.

Не надо было говорить этого, и ее раздражения Костя совсем не заслужил. Ведь не он заставил ее ехать в эту поездку, он и представить себе не мог, что это такое – она и сама не представляла. Но Лера почувствовала вдруг, как начало сказываться напряжение этих дней. Все ее раздражало, беспричинные слезы подступали к горлу, и она не в силах была себя сдерживать.

Чтобы не наговорить еще каких-нибудь обидных глупостей, она замолчала. Костя тоже молчал, и в таком печальном молчании доехали они до родного дома.

Глава 10

Три выходных дня Лера вообще не выходила на улицу.

Прежде такого с ней не бывало. Она не могла усидеть дома, и даже если не было никаких срочных дел, все равно находила, куда отправиться, хотя бы под предлогом поисков какого-нибудь из бесчисленных дефицитов – мыла, например, или гречки.

Но после Стамбула ей не хотелось никуда, и она сама себе удивлялась – правда, и удивлялась как-то вяло.

Новый год встречали втроем. Лера пошла спать раньше всех, чего тоже никогда прежде не бывало.

– Ты устала, Лерочка? – сочувственно спросила мама на следующий день, видя, как безучастно смотрит она в книгу, валяясь на диване. – Ты знаешь, я подумала: не стоит тебе, наверное, больше этим заниматься...

Надежда Сергеевна говорила полувопросительно, чтобы не обидеть Лерочку. Не дай бог, подумает, что мама презрительно относится к ее новому занятию...

– Мама, – вдруг спросила Лера, по-прежнему глядя перед собой тем же безразличным взглядом, – а правда, что у меня походка какая-то необычная?

Испуг мелькнул в маминых глазах.

– Правда... – тихо сказала она.

– А почему?

Надежда Сергеевна молчала.

– Почему, мама? – повторила Лера.

– Я не могу тебе ответить, – вдруг сказала мама. – И не спрашивай меня больше об этом, Лерочка, прошу тебя...

С тех самых пор, как Лера себя помнила, мать всегда благоговела перед ней. Это, наверное, даже смешно выглядело, когда Лере было лет пять. В самом деле, странную картину они являли собою: мама спрашивает у маленькой девочки с пышным бантом, надо ли купить треску, или лучше – минтай. Даже продавщицы в «Рыбе» на Петровке улыбались.

А Лера никогда и не удивлялась этому. Мама всегда казалась ей слабой, робкой – да так оно, наверное, и было. А потом началась эта ужасная энцефалопатия, Надежду Сергеевну то и дело увозили в Боткинскую. Лет до тринадцати Лера перебиралась на это время к тете Кире и бегала в больницу с передачами, каждый день со страхом думая: что же будет, если мама умрет?

А потом она выросла, стала оставаться дома одна, но в Боткинскую бегала по-прежнему, и мысли были прежние...

На фоне этих мыслей совсем не казалось трудным брать на себя то, что Надежда Сергеевна считала «тяготами быта», а Лера – повседневными мелочами, на которые и внимания обращать не стоит. В самом деле, ну что им было нужно такого особенного, из-за чего жизнь могла бы показаться трудной?

Отца она совершенно не помнила: он ушел из дому, когда ей было два года, и с тех пор не появился ни разу. Пока Лере не исполнилось восемнадцать, приходили раз в месяц деньги, а потом не осталось и этих свидетельств того, что он еще живет где-то на свете. Лера настолько привыкла к этому, что даже не огорчалась и зла на него не держала. Его просто не было, и все.

Она никогда не спрашивала, что думает об этом мама, и Надежда Сергеевна тоже не заговаривала о муже. Кажется, она и не думала о нем, и не вспоминала. Дочка Лерочка – умница, красавица, заботливая и энергичная – была ее единственной радостью. И в универ-

ситет она поступила сразу, и замуж вышла за такого хорошего мальчика, и в аспирантуре учится, чего же боле, как говорится!

И если Лерочка считает, что это нормально – ездить в эти ужасные челночные поездки, – значит, так оно и есть. Вот только трудно это, вон какой усталой вернулась – и Надежда Сергеевна осторожно интересовалась, не следует ли отказаться от них...

– Я больше не поеду, мама, – ответила Лера. – Придумаю что-нибудь другое, проживем как-нибудь.

Она не кривила душой, говоря, что больше не поедет. Нет, не из-за усталости – она вообще не знала, что такое усталость, и сейчас ей оказалось достаточно один раз выспаться, чтобы отдохнуть. И не из-за таможенных трудностей, и не из-за тараканов в гостинице.

Дело было в другом. То непонятное чувство, которое только смутно тревожило Леру накануне отъезда, теперь стало совершенно отчетливым. Она отшатнулась перед тем, что про себя назвала «другая жизнь». Но это была не та другая жизнь, о которой писал ее любимый Трифонов, – не высшая жизнь освобожденного духа, а совсем наоборот.

«Другая жизнь», с которой так неожиданно для себя столкнулась Лера, исключала само существование какого-то духа. Она шла по жестоким законам выживания, и то, что с детства считалось недозволенным, невозможным, – в этой «другой жизни» как раз и было возможно, и даже необходимо.

Лере показалось, что она заглянула в какую-то пропасть в глубине собственной души, – и она в ужасе отшатнулась, дав себе зарок больше не заглядывать туда.

А тараканы, таможня, сотни лифчиков – это что же, это ерунда...

Но мешки громоздились в прихожей, на кухне и в комнатах, и, как бы там ни было, следовало продать их содержимое.

– Лучше всего – в Луже, – сказала Зоська. – Там оптовиков много, не обязательно все в розницу продавать. И из провинции много приезжает, берут что зря.

– В Луже так в Луже, – согласилась Лера: ей было все равно, лишь бы скорее.

Как назло, первые дни нового года выдались такие морозные, что даже дыхание схватывало, как только выходишь на улицу.

– Как в сорок первом году, – сердилась Зоська.

Часов в девять утра они с Лерой вышли из подъезда и, перехватывая из руки в руку свои битком набитые стамбульские сумки, направились к метро.

– По-моему, не мы одни о сорок первом думаем, – заметила Лера. – Того и гляди, общая паника начнется.

Состояние, в котором находились люди в эти первые дни нового года, можно было назвать не паникой, а шоком. Женщины ахали в магазинах, разглядывая ценники, а старушки – те и вовсе столбенели, благодаря бога, что успели запасти спички и соль.

– Вот всегда так, – сказала Зоська, когда уже ехали в метро по Юго-Западной ветке. – Бедному жениться – ночь коротка. Как теперь распродадимся, не представляю. Люди-то деньги придержат теперь, не до тряпья будет...

Может быть, люди и собирались придержать деньги, но торговцев это, похоже, ничуть не смущало. Лере показалось, что густая толпа гудит на всей огромной площадке перед Лужниками, и она не могла понять: что делают здесь все эти люди – покупают, продают?

– На трибуны не пойдем, – сказала Зоська. – Там, конечно, разрешено, но платить надо, куда нам? А тут нельзя, зато бесплатно.

Подойдя поближе, Лера разглядела, что толпа вовсе не так беспорядочна, как ей показалось на первый взгляд. От решетки стадиона до самого памятника Ленину тянулись длинные человеческие дорожки, образованные рядами торговцев. По этим дорожкам переливалась другая толпа – покупателей.

Здесь уже шла особая, вполне устоявшаяся жизнь – с собственными законами и заботами.

«Снова – другая жизнь, – подумала Лера. – Господи, сколько же их?»

Но размышлять на отвлеченные темы было некогда. Лера издали высмотрела просвет между плотно стоящими торговцами, и они с Зоськой тут же устремились туда – к самой ноге Ильича.

Втиснувшись между двумя женщинами, Зоська расставила ноги и поставила между ними сумку. Лера последовала ее примеру. Она уже успела заметить, что эти ряды в основном и состоят из таких же женщин, как они с Зоськой, как их соседки, стоящие с сумками между расставленных ног.

«Профессиональная поза, – усмехнулась про себя Лера. – Вечная женская поза...»

Хорошо было иронизировать, но Лера тут же порадовалась, что натянула под теплые брюки все штаны, которые нашлись в доме, и повязала мамин пуховый платок. Ветер был не сильный, но пронизывающий, он мгновенно выдувал все мысли из стынувшей головы.

– Сегодня долго не простоим, – решила Зоська. – Посмотрим, как пойдет, и хватит для первого раза.

В первый день Лера с Зоськой вынесли на продажу лифчики и «недельки», и дела пошли неплохо – особенно по сравнению с другими женщинами, примостившимися рядом.

– Надо же, – попыталась пошутить Лера, едва разжимая онемевшие губы, – только женщины могут в такую погоду летнее белье покупать!

– Дешево просто, – стуча зубами, возразила Зоська. – Они бы, может, и рады шубы покупать. Так ведь сколько она теперь стоит будет, шуба...

Действительно, Лере вскоре показалось, что только белье еще и берут здешние покупатели. К остальным продавцам они подходили только для того чтобы прицениться, ахнуть и тут же отойти. А к ней то и дело подходили женщины, стягивали перчатки, щупали товар – и многие брали, даже по несколько штук.

Лера даже радовалась, что холод сделал людей безразличными друг к другу. Ей вовсе не хотелось сейчас, чтобы покупательницы разглядывали ее, а соседки расспрашивали о чем-нибудь.

Иногда, отсчитывая сдачу, она удивлялась, но словно издали, сквозь пелену холода: как легко это оказалось для нее, торговать на рынке!.. А она-то не могла вчера уснуть, представляя, как будет стоять под презрительными взглядами покупателей. Почему-то ей казалось, что они непременно станут презирать ее, ставшую торговкой.

Из-за холода у людей не было даже желания поторговаться, да Лера с Зоськой и просили недорого. Поэтому Лере приходилось в основном следить, чтобы не ошибиться со сдачей, и она вскоре освоила эту нехитрую науку не хуже, чем опытная Зоська. Вот только руки едва шевелились от холода.

– Все! – сказала Зоська через два часа. – Лер, не могу больше!

– Что, уже уйдем? – удивилась Лера. – Но ведь берут, давай еще постоим. Неужели обратно столько повезем?

– Ты прямо нестигаемая, ей-богу! – удивилась Зоська. – У меня уже все внутри вымерзло, а ты как Снежная королева! Давай хоть кофе попьем, согреемся немного.

С этими словами Зоська извлекла из сумки термос и на время спрятала коробочки с бельем.

– У меня с коньяком, – сказала она. – Хочешь?

– Давай! – согласилась Лера: коньяк был очень кстати. – Жаль, я не догадалась. Ну, ничего – завтра...

– Дожить бы еще до завтра, – хныкнула Зоська. – Я же в первый раз зимой торгую. Это ужас!

От горячего кофе с коньяком Лера сразу порозовела, глаза у нее заблестели. Она была вовсе не похожа сейчас на Снежную королеву – наоборот, морозный воздух словно таял от медового блеска ее глаз.

Немного отогревшись, Лера внимательнее пригляделась к соседкам.

Черноглазая женщина, покрашенная так ярко, словно пришла не на рынок, а на карнавал, крепко сжимала ногами сумку, из которой выглядывали шарфы из ангоры – голубые, розовые, желтые, зеленые. Это роскошное пушистое многоцветье привлекало почти всех, кто проходил мимо, но, узнав цену, люди в основном шли дальше.

Женщина сердилась и уже начинала посматривать на свои шарфы с ненавистью.

– Девчонки, – сказала она наконец, обернувшись к Лере и Зосе, – покараульте сумку, а? Стоять уже не могу, надо сбегать выпить!

Она сказала об этом с такой подкупающей простотой, что Лера не могла отказать ей в этой просьбе.

– Сбегай, – кивнула она, улыбнувшись. – Покараулю.

Даже не поблагодарив – видно, сильно горела душа, – женщина подвинула свою сумку прямо к Лериной ноге и торопливо пошла к выходу, протискиваясь сквозь толпу покупателей.

– Ты что? – возмутилась Зоська. – Чего это мы должны ее сумку караулить? А если пропадет что-нибудь – ты представляешь, сколько такая сумочка стоит? Всеми нашими трусами не расплатимся!

– Да ладно, – махнула рукой Лера. – Авось не украдут.

Она расставила ноги пошире, придерживая сумку соседки. Соседка слева, наблюдавшая за этой сценой, покачала головой.

– До чего же есть бессовестные люди, – негромко сказала она. – Просто удивительно, ведь она совершенно уверена, что кто-то должен решать ее проблемы. Она, видите ли, хочет выпить!

Лера давно уже обратила внимание на эту пожилую женщину. Собственно, в ее облике не было ничего особенного: высокая, в темно-сером пальто с потертым норковым воротником, в низко повязанном платке. И – в больших темных очках, скрывающих глаза. Заметив, что Лера удивленно смотрит на очки, женщина спросила:

– Вам они кажутся странными?

– Вообще-то да, – призналась Лера. – Ведь солнца нет.

– А я не от солнца. Просто я здесь живу неподалеку. И я учительница, вы понимаете?

Женщина наконец сняла очки, натершие ей переносицу, и теперь вопросительно смотрела на Леру. Глаза у нее были смущенные и усталые.

– Вы понимаете? – повторила она. – А вдруг кто-нибудь из знакомых сюда придет или из учеников? И меня узнает...

Только представив себе такую возможность, пожилая учительница покраснела, слезы выступили у нее на глазах.

– Но у меня сын – инвалид, вы понимаете? – сказала она. – И конечно, я лучше буду продавать эти заколки, чем позволю ему голодать, а ведь и такое возможно, вы чувствуете?

Лера застыла с термосным стаканчиком в руке. Эти оправдывающиеся интонации в голосе учительницы были так невыносимы, что она сама готова была провалиться сквозь землю.

– Но почему же... – пробормотала она, но голос ее тут же окреп. – Почему же вы думаете, что вам надо стыдиться?

– А как же! – воскликнула учительница. – А вы разве считаете нормальным то, чем мы здесь занимаемся? Правда, вы моложе. – Она повнимательнее присмотрелась к Лере. – Но нас ведь совсем по-другому воспитывали... Просто я раньше других поняла. – В ее голосе

снова промелькнули нотки самооправдания. – Я раньше других поняла, что нас всех ожидает, и я хочу запасти денег на будущее, хотя бы на ближайшее. Мне не на кого надеяться, вы понимаете?

Сколько раз в течение следующих месяцев приходилось Лере слышать эти оправдывающиеся интонации в голосах самых разных людей, сколько видеть отводимых глаз! Вскоре она привыкла к тому, что едва ли не каждый продавец на рынке считал своим долгом оправдывать себя в собственных глазах, – как будто был по уши вымазан в грязи.

Но в этот, первый день Лера не знала, что сказать пожилой учительнице. И ей было стыдно только за то, что, оказавшись в такой же ситуации, сама она не испытывает ничего подобного...

– Лер! – Зоська прервала этот неловкий разговор. – Давай дальше продавать. Раньше сядешь – раньше выйдешь.

Лера кивнула и, убрав термос, снова расстегнула сумку. Но едва к ней подошла первая покупательница и принялась придирчиво выбирать лифчики нужного цвета и размера, – что-то произошло в торговых рядах.

Роясь в сумке в поисках бежевого третьего номера, Лера не сразу поняла, что же произошло. Она только почувствовала, как огромная, сметающая все на своем пути волна прокатилась по рядам. Люди, собравшиеся на вытоптанной площадке – от решетки до Ленина, – вдруг засуетились, принялись лихорадочно запихивать в сумки товар.

– Воры! Милиция! Грабят! Бежим! – пронеслось по рядам.

И тут же люди, каждый из которых только что был маленьким и отдельным островком в этом море голов, мгновенно сделались единым и безумным существом. Это существо метнулось вправо, влево – и безудержно понеслось куда-то, подхватывая всех в своем бесмысленном беге.

Лера не успела понять, что же произошло, но инстинктивно успела сделать то, что было сейчас единственно правильным и возможным. Мгновенно отшатнувшись назад и сдвинув ноги, она подхватила обе сумки – сумка с ее товаром была расстегнута – и шатнулась куда-то вместе с толпой, успев крикнуть Зоське:

– Зося, встречаемся возле Ленина, если разминемся, езжай домой!

Краем глаза Лера успела еще увидеть, как бежит куда-то пожилая учительница, – но и ее тут же скрыл людской водоворот. Сама Лера не испытывала ни страха, ни желания скрыться, спрятаться. Она вообще не поняла, что произошло, просто почувствовала: останься она сейчас стоять – тут же сметут, растопчут, и поздно тогда будет искать виноватых.

Две коробочки с «недельками» выпали из ее сумки, пока Лере удалось на ходу застегнуть «молнию». Она хотела было нагнуться, поднять коробочки, но толпа уже несла ее дальше, а чьи-то быстрые руки подхватили упавшую мелочь.

Все это необъяснимое и неостановимое движение продолжалось недолго, минут пять. Потом толпа вдруг остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду.

– Девки, куда это мы? – раздался молодой, певучий голос. – Где воры-то?

Эти слова, прозвучавшие неожиданно громко, подействовали на людей как ушат холодной воды.

– В самом деле, – тут же зазвучало вокруг. – Кто кричал-то, кого ограбили?

Постояв несколько минут там, где застало их отрезвление, люди медленно, словно нехотя, побрели на свои места. Выругавшись про себя, Лера потащила свои сумки обратно, к ноге Ильича.

– Ну, не идиоты?! – Зоська уже ждала ее там, вся пунцовая от гнева; даже ее замерзший, побелевший было носик покраснел. – Куда бежали, чего вдруг, ты можешь мне сказать? И ведь это часто так: заорет кто-нибудь, бросится куда-то – и все за ним, как стадо!

Лере стало смешно, и, не сдерживаясь, она расхохоталась.

– Ничего веселого, – обиделась Зоська. – У тебя все цело? В смысле – товар?

– Руки-ноги целы, слава богу, – ответила Лера. – А две коробочки выпали, я видела. И кто-то тут же подхватил.

– Еще шарфы эти дурацкие! – продолжала возмущаться Зоська. – Надо было бросить эту ее сумку, пускай бы знала! Где вот она сейчас, алкоголичка чертова?

– Как странно, – сказала Лера с неожиданной задумчивостью. – Я никогда раньше этого не видела, только читала: инстинкт толпы... Ведь я совсем не хотела бежать, а бежала вместе со всеми, чтобы под ноги им не упасть. А кто-то испугался, а кто-то растерялся, но все бежали, все! От одного дурацкого вскрика...

– Не такого уж, между прочим, и дурацкого, – заметила Зоська. – Кое-кто оч-чень даже неплохо на этой панике наживается: мало ли что перепадет в спешке.

Разговаривая так, они снова заняли свои места, расстегнули сумки. Вообще, жизнь этого странного человеческого муравейника налаживалась так же быстро, как разрушалась. Снова – раздвинутые ноги, плотно сжатые сумки, просьбы уступить в цене...

– А вот и я, девчонки! – раздался знакомый голос.

Черноглазая накрашенная соседка уже стояла рядом с Лерой. Лицо у нее стало едва ли не таким же красным, как помада, глаза удовлетворенно блестели.

– Покараулили сумочку, вот спасибо, – сказала она довольно рассеянным тоном, словно это действительно было в порядке вещей, караулить ее шарфы. – А чего орали тут все? Опять дурку кто-то пустил?

Похоже, время она использовала продуктивно: в морозном воздухе разносился крепкий водочный дух.

– Забирай свое барахло, – зло сказала Зоська. – Жаль, не мне ты его оставляла. Уж я бы с ним не бегала как полоумная, сейчас бы ты его по снегу собирала.

– Да ладно вам, девчонки, – примирительно сказала черноглазая, ногой передвигая к себе сумку с шарфами и расстегивая «молнию». – Ну, хотелось выпить, с кем не бывает? Я тут с девяти стою, совсем околела. У меня и так придатки застуженные, сколько можно? А зато – смотрите, чего у меня!

Женщина отвернула края ярко-красного шарфа – такого же, какие торчали из ее сумки, – и показала длинные золотые серьги, покачивающиеся в ушах.

– Видали? – сказала она с пьяной самодовольной хвастливостью. – Только что купила. Задаром, можно сказать, отдали мне. А что? – воскликнула она так, словно кто-то возражал против ее приобретения. – А что ж я, серьги себе не могу позволить?! Могу! Для чего я тут с утра корячусь каждый день, морожусь, как треска какая? Чтоб в серьгах себе отказывать?!

Ее голос наливался слезами, в нем зазвучали истерические нотки.

– Можешь, можешь, – сказала Лера успокоительным тоном. – Правильно сделала, что купила – хорошие серьги. Тебя как зовут?

– Галина.

Как ни странно, Лерин тон мгновенно успокоил продавщицу шарфов. Она шмыгнула носом, спрятала серьги под ярко-красной ангорой.

– Мужик вообще убьет, – сказала она тусклым после недавнего нервного всплеска голосом. – Ну и хрен с ним! Я тоже человек...

Но настроение у нее, наверное, было испорчено: не помогла даже водка.

– Пойду я, девчонки, – сказала она. – Все равно два часа уже, через час все разбредутся, а мне еще в Чертаново пилить.

И, не простившись с ними, Галина подняла свою сумку и исчезла в редющей толпе.

Они поторговали еще полчаса и тоже стали собираться. Рынок стремительно пустел.

– С почином тебя, Лер, – печально усмехнулась Зоська. – Век бы его не иметь...

– Перестань! – оборвала ее Лера. – И правда – с почином, что в этом такого? Не надо так, Зосенька, – добавила она примирительно. – Не надо себя унижать.

– А сама? – заметила Зоська, застегивая «молнию» на почти пустой сумке. – Кто зубами скрипел в Стамбуле? Думаешь, я не видела?

– Но ведь я только сначала, – стала оправдываться Лера. – А потом все нормально стало, и не надо себя топтать, совершенно незачем!

– Потом – все нормально стало... – повторила Зоська задумчиво. – Как всегда, когда...

Но Лера уже не слушала ее. Настроение у нее, как ни странно, было хорошее. Совсем не такое, как в те несколько праздничных дней, которые провела она дома, размышляя о «другой жизни» и о себе – другой.

Всегда, когда у нее появлялось простое и внятное дело, Лера отдавалась ему полностью. И если дело удавалось, она просто радовалась этому, и гордилась собой, и печальные мысли отступали.

А сегодняшнее дело явно удалось. Она распродала почти все лифчики, сумка не отягивала рук, и приятное сознание того, что завтра не надо будет ужасаться, входя в гастроном и присматриваясь к обновленным ценникам, подтверждало ее сегодняшний успех.

– Говорят, потепление завтра, – сказала Зося. – Хорошо бы! Я, знаешь, сегодня больше вообще ни о чем не думала, только о холоде проклятом.

– Теплолюбивое растение, – улыбнулась Лера. – Ладно, пойдем, в метро согреемся по дороге.

Глава 11

Напрасно Лера радовалась. Ее гордость собою продолжалась не дольше, чем потребовалось на дорогу от Лужников до дома. Да и смешно было бы надеяться, что у нее не хватит ума для того, чтобы реально видеть, как идет теперь ее жизнь.

«Но ведь это только пока, – пыталась она себя успокоить. – Ведь не выбрасывать же теперь товар, надо же его продать».

Но, говоря себе все это, Лера уже чувствовала, что такими же словами оправдывают себя сейчас едва ли не все те люди, которые стояли сегодня на огромной площадке в Лужниках.

И она обрадовалась, когда наконец пришел домой Костя. Сегодня он работал в Институте на Бутлерова и, как обычно, допоздна задержался в лаборатории.

К его возвращению Лера успела отогреться в горячей ванне, выпить чаю с малиной – и сидела теперь на диване, кутаясь в мягкий махровый халат.

Но то состояние, в котором она находилась, не было обычным наслаждением теплом и домашним уютом. Она так же легко привыкала к теплу, как и к холоду; все это было для нее только сменой физических ощущений, не более. Лера прислушивалась к тому, что происходило в ее душе. Ей казалось, будто льдины с треском наползают друг на друга где-то у нее внутри.

– Костенька! – обрадовалась она, открывая дверь. – А я так соскучилась, ты себе не представляешь!

Костя поцеловал ее, снял пальто.

– Потеплело к вечеру, слава богу, – сказал он. – А днем – не представляю, как ты там стояла на морозе!

Лере было приятно, что Костя думал о ней. Хотя у нее никогда не было случая усомниться в его любви, хотя он всегда был ласков с нею, все-таки не часто он бывал внимателен. Но Лера ничуть не обижалась на него за это. Она знала, что Костя не может распыляться: талант требует от него такой полной отдачи, что на заботу о ней, Лере, просто остается мало времени и сил.

А в том, что Костя талантлив, она не сомневалась. Об этом говорило и то, что всего за несколько лет он стал правой рукой профессора Жихарева; и то, что он публиковал статьи на Западе; и то, как часто ему звонили домой в те дни, когда он не был занят в Институте, – чтобы узнать его мнение о чем-то, не терпящем отлагательств. И коэффициент цитирования у него был – «три». Лера уже знала, что это очень много. Это значило, что работы Константина Веденеева в течение года трижды упоминались в мировой научной печати, а ведь он был еще только аспирантом!

И ей в самом деле вовсе не надо было, чтобы он заботился о ней. Она сама о ком хочешь могла позаботиться, а с Костей ей было важно совсем другое – что он есть, что он такой, как есть, и что они любят друг друга...

Она ждала его. Треск наползающих льдин, который она слышала в себе, невозможно было выносить в одиночестве. Ей казалось, что вся ее жизнь разбивается, корежится. Но она знала: когда появляется Костя, жизнь становится осмысленной, ясной, как его глаза, – и Лера особенно ждала его в этот вечер...

– Долго вы там пробыли сегодня? – спросил Костя.

Они сидели на кухне. Костя ужинал, а Лера смотрела на него каким-то странным взглядом.

– Нет, не очень, – ответила она наконец. – Или – не знаю. Кажется, долго.

– То есть? – удивился Костя. – Сколько часов?

– Неважно, Костенька, правда? – ответила Лера. – До трех почти, как все.

Она не могла понять, что с ней происходит, и главное – почему? Ведь она так ждала его, она так надеялась, что одно его появление расставит все на свои места и она станет собою – прежней Лерой, для которой не было ничего трудного в жизни и которая всматривалась в собственную душу только для того, чтобы понять, как отражаются в ней картины старых итальянцев.

Он пришел – а она осталась такой же, какой была сегодня на площадке в Лужниках... Костя не был в этом виноват, никто не был в этом виноват, но это было так, и Лере хотелось плакать от отчаяния.

Ее больше не спасал ни дом, ни муж – она менялась и начинала понимать, что эти перемены необратимы.

– Знаешь, я сегодня целый день думал, Лерочка, – сказал Костя. – Наверное, я должен помогать тебе хотя бы отвезти туда сумку... – Он смотрел на нее смущенно и вопросительно, ожидая ответа. Но Лера молчала, и Косте пришлось продолжить: – Я долго думал об этом, поверь мне... И, – Лерочка, я не могу! Я не могу во всем этом участвовать. Что мне делать?

В Костиных глазах появилось настоящее отчаяние, и Лере стало его жаль.

– Ну что ты, Котя? – Она погладила его по руке. – Перестань, прошу тебя. Как будто я гири таскаю в этой сумке. Это же белье, оно легкое, и я его сама прекрасно донесу.

– Не в том дело... Просто я понимаю: ты взяла на себя все заботы, а я не только ничем тебе не помогаю, но и знаю, что не найду в себе мужества включиться в этот процесс...

– Костенька, – улыбнулась Лера, – но кто тебе сказал, что ты должен в это включаться? Там и мужчин почти нет, на этом рынке, – так уж получается...

– Но ведь тебе, я думаю, психологически должно быть тяжело... – начал он.

– Что? – быстро спросила Лера. – Как ты думаешь, что мне должно быть психологически тяжело?

– Например, отрываться от любимого дела, от диссертации, и вообще... Это довольно странное амплуа для такой женщины, как ты.

– Амплуа... – тихо проговорила Лера. – И диссертация... Нет, Костенька, мне не это тяжело.

– А что же? – На лице его было недоумение.

– Я сама не могу объяснить... – все так же медленно произнесла Лера. – Столкновение с жизнью? Не знаю...

Она действительно не могла объяснить мужу, что происходит сейчас в ее душе. И это было так неожиданно, так ново! Прежде не было в ее жизни ничего, что она не могла бы объяснить Косте – все было так ясно и просто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.